

В.С.МЕНЬШИКОВ

КАК ВЕЛИТ ЗАКОН

10 к.

В.С.МЕНЬШИКОВ

КАК ВЕЛИТ ЗАКОН

(записки судьи)

АЛМА-АТА «КАЗАХСТАН» 1988

67.99(2K)116.3
М 51

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Меньшиков В. С.

М 51 Как велит закон (записки судьи).— Алма-Ата:
Казахстан, 1988.—88 с.

Книга написана по материалам гражданских и уголовных дел. Показаны причины и условия, которые приводят человека к правонарушениям. Среди них особо выделено пьянство. Освещается деятельность правоохранительных органов по борьбе с расхитителями, спекулянтами и другими любителями нетрудовых доходов.

Адресуется массовому читателю.

1203030000—29
М 401(05)—88—95—88

67.99(2K)116.3

ISBN 5—615—00122—4

© Издательство «Казахстан» 1988

Короткие рассказы, житейские истории, вошедшие в сборник, написаны в разное время по материалам гражданских и уголовных дел, рассмотренных судами Восточно-Казахстанской области. Все эти истории — об отцах и детях, взаимоотношениях в семье, воспитании подростков, ответственности родителей перед обществом, заботе о стариках и другие — произошли где-то рядом с нами. Возможно, мы были очевидцами отдельных ситуаций и событий, которые требовали нашего вмешательства, внимания, участия, помощи — одним словом, поступка, но прошли мимо...

Большинство описываемых историй возникло и получило свое «завершение» как результат пьянства, когда, утрачивая чувство ответственности за свои поступки, человек способен совершить не только правонарушение, но и преступление. Примеров тому немало. Но немало примеров и таких, когда пьяница с помощью общественности, суда находит в себе силы бросить пить, становится хорошим семьянином, полезным обществу человеком. О влиянии алкоголя на людей, и в первую очередь на детей, о необходимости искоренить пьянство из жизни нашего общества пойдет речь в некоторых рассказах.

Вопрос охраны государственного и общественного имущества всегда был и остается одним из главных в работе правоохранительных органов. Однако и здесь де-

ло обстоит далеко не так хорошо, как бы этого хотелось. Все еще нередки случаи хищения государственных ценностей в крупных и даже особо крупных размерах. О том, как это случается, почему удастся разного рода хапугам и проходимцам поживиться за счет государства, будет рассказано в материалах, написанных, что называется, по горячим следам, прямо из зала суда.

Предавая гласности дела судебные, автор надеется, что они послужат поводом для размышлений о жизни, о наших поступках, толчком к самоанализу, благородной работе души.

Пьянство — огромное социальное зло. Преступления, прогулы, производственный травматизм, брак на работе, которые оборачиваются убытком для нашей экономики, тысячи изломанных судеб и разрушенных семей, где страдают прежде всего дети,— это далеко не все последствия пьянства. Спиртное губит организм, влияет на здоровье потомства. Особенно легко подвержены алкоголизму подростки. Беря пример с родителей-пьяниц, они вскоре сами становятся алкоголиками.

В постановлении Центрального Комитета партии от 18 сентября 1985 г. «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма"» дана объективная оценка всей деятельности, связанной с утверждением трезвого образа жизни. Подчеркнуто, что эту задачу не решить одними лишь запретительными, ограничительными мерами. Необходимо комплексное сочетание воспитательных, экономических и административно-правовых мер.

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. «Об усилении борьбы с пьянством» отчетливо прослеживаются значительные позитивные сдвиги в антиалкогольном движении в нашей республике. Принимаемые правовые меры действенны и результативны. Снизилась преступность, сократился травматизм на производстве, уменьшилось число дорожно-транспортных происшествий. Осознав суть предприни-

маемых партией шагов в целях оздоровления нравственной атмосферы в обществе, трудящиеся нашей республики не только сами включились в борьбу с пьянством, но и требуют принятия еще более жестких мер, направленных на полную ликвидацию этого зла, так как часть людей приспособилась к новым условиям: пьют дома, занимаются самогонварением, употребляют различные суррогаты. Приходится порой еще видеть униженных, разбитых, фальшиво бодрящихся, испуганно отворачивающих глаза людей разного возраста, но пораженных одним недугом — алкоголизмом. Людей, как это ни парадоксально, все еще уверенных, что ничего страшного не произошло. О таких, павших и находящихся на грани падения, наш разговор.

БОРОТЬСЯ ВСЕМ МИРОМ

И снова Алексей не вернулся с работы вовремя. Ожидая его, Ольга сидела у окна и смотрела на улицу. Смеркалось. Рабочий поселок заметно опустел. Утомонились, заснули дети — семилетний Артемка и трехлетний Денис. Пора бы ложиться и ей, завтра рано вставать, но Ольга медлила, знала: все равно не уснет. Непокойно было на душе, одолевали невеселые мысли: «Опять муж с кем-то пьет. И когда это кончится?» Хотела прилечь, но услышала стук в окно.

— Иди, забирай своего, — сказала соседка Настя и добавила: — Еле разыскала проклятуших, назюзюкались, языками не ворочают.

— Чужало сердце, — горестно всплеснула руками Ольга. — Аванс давали, а я... Сама, выходит, виновата! — в сердцах махнула она рукой, натягивая на плечи кофту.

Проснулся, заплакал Денис. Пришлось будить старшего сына.

— Артемка, вставай. Надо отца домой привести. Мальчик спал крепко. А когда проснулся, долго не мог понять, чего от него требуют. Наконец, сообразив, он оделся и вышел на улицу.

Было тихо, безлюдно. От реки тянуло прохладой. Артемка пробежал вдоль берега, затем взобрался на дерево, огляделся: отец лежал возле вытащенной на берег лодки.

— Папа, папочка!— подскочил Артемка к отцу, затормошил.— Вставай, вставай, родненький...— Тот с трудом поднял голову и тут же уронил.

— Папочка!— Артемка потянул отца за плечи, но его грубо оттолкнули. Досадуя, что не в силах помочь отцу добраться до дома, мальчик сел рядом и горько заплакал. Эта ночь запомнится ему надолго, возможно, на всю жизнь.

...Поначалу в семье Обносовых все было благополучно. Алексей трудился на руднике. Ольга управлялась дома, не работала: сын-первенец часто болел. Молодые супруги жили надеждой на будущее: поправится ребенок, пойдет в детский сад, а Ольга устроится на работу. Через год-два подойдет очередь на расширение квартиры, и все будет, как у людей.

Несомненно, все так бы и было. Но стал Алексей выпивать. Сначала по праздникам, в выходные, потом и в будни.

— Пойми,— говорил он жене,— не алкаш же я какой-нибудь, не валяюсь где попало. Зарплату приношу. А если и выпью когда, то кому от этого плохо.

Послушать — вроде все правильно. Деньги приносит. Не хулиганит, не дерется. Другие в медвытрезвитель попадают, его пока бог миловал. Пока... Сердце подсказывало: надо что-то предпринимать, иначе будет поздно. Но что?

— Алеша, может, тебе в техникум поступить, на вечернее отделение?

— Тоже придумала! Четыре года над книжками корпеть. Какой расчет?

— Тогда, может, в спортивную секцию запишешься?

— Не смей. Мне скоро тридцать. Не до спорта!

А пьянки затягивали. Однажды привели Алексея незнакомые люди. Проспавшись, он не мог вспомнить, где и с кем пил, куда дел зарплату.

— Не мог я столько пропить,— недоумевая, разводил руками.— Больше в рот не возьму.

Какое-то время Алексей действительно не пил. Но вот снова пропил аванс, не вышел на работу, нагрубил соседу. Его поведение разбирали на товарищеском суде, лишили премии, перевели на нижеоплачиваемую работу сроком на месяц.

Между тем семья Обносовых увеличилась: родился еще сын — Денис. Подрос Артем. Любознательный, впечатлительный, он очень любил отца и не по-детски страдал, когда тот возвращался пьяным. Заглядывая ему в глаза, спрашивал:

— Ты опять напьешься?

Алексей прижимал хрупкое тельце сына к груди.

— Постараюсь не пить, малыш. Я все понимаю...

Но понимать мало. Надо было собрать волю в кулак, отрезать раз и навсегда. Алексей этого сделать не смог. Обманывая самого себя и семью, опускался все ниже.

Изменился он и внешне. Под глазами мешки, лицо синюшного цвета, движения порывисты, взгляд тупой, настороженный. Появилась неоправданная самоуверенность, склонность к плоскому однообразному юмору, терялся стыд, искренность, пропало желание трудиться. И хотя одет был более или менее сносно — Ольга старалась, как могла — выглядел неряшливо.

И жена в свои 28 лет казалась пожилой, усталой женщиной. Не зная, как помочь мужу выбраться из трясины, она стала думать о разводе. Однако жалость к Алексею, боль за детей, которые при отце должны расти сирота-

ми, пересиливали. Просить же помощи у тех, с кем работал муж, она не решалась.

Однако коллектив рудника в стороне не остался. Когда различные меры морального воздействия были испробованы и не дали результатов, профком подал заявление в народный суд о признании Алексея Обносова ограниченно дееспособным.

Такая мера воздействия предусматривается законом. Она-то и заставила, наконец, Алексея глубоко задуматься.

— Только бы не на руднике судили,— тяжело переживая, говорил он о предстоящем судебном процессе.— Весь поселок знать будет, до чего я дошел.

...Судебное заседание было выездным. Народу пришло много. Алексей сидел, опустив голову, стыдясь взглянуть на людей. А тут еще Артемка. Крутился возле, подсаживался, заглядывал в глаза, словно хотел успокоить, помочь собраться с духом. Слово дали Ольге. Она встала, прижала к груди Дениску.

— Пил он,— с трудом выдавливая из себя слова, сказала женщина.— Иногда пропивал зарплату... Теперь вот, кажется, остепенился,— заключила с надеждой.— Четвертую неделю не пьет.

— Обносов на руднике работает давно,— говорит слесарь по ремонту подземного оборудования Харченко.— Специалист он хороший. Трудиться может, но вот беда — пьет. А выпьет — на следующий день не работник. Того и гляди машину выведет из строя, а то и себя покалечит. От имени коллектива рудника я прошу вопрос о признании Обносова ограниченно дееспособным решить положительно.

Дал заключение врач-нарколог: «Обновов может и должен бросить пить. Ограничение дееспособности поможет ему в этом».

Потом суд предоставил слово прокурору. Поддерживая требование коллектива, он напомнил, как дорого об-

ходятся государству такие, как Обносков. Опустился, стал обузой для общества, позором семьи.

Выслушал суд и Обноскова. Алексей дал слово раз и навсегда покончить с выпивкой.

Внимательно изучив документы, заключение врачей-наркологов, судьи приняли решение: на основании статьи 259 ГПК Казахской ССР Обносков Алексея Захаровича признать ограниченно дееспособным. Это означало, что он лишался права самостоятельно, без согласия попечителя, получать заработную плату или другие доходы, распоряжаться ими, совершать сделки по распоряжению имуществом, за исключением мелких бытовых сделок. Копию решения направили в органы опеки и попечительства. Попечителем А. Обноскова назначили жену.

После суда я интересовался поведением Алексея. Мне отвечали:

— Все в порядке. Ни одного замечания не имеет. Работает хорошо.

Но звонить, спрашивать — одно дело. Увидеть самому, поговорить — совсем другое. Словом, хотелось встретиться с Алексеем, однако случая не представлялось. И вот недавно, находясь в командировке в тех местах, где живет и работает Алексей, я разыскал его. Он только что окончил смену, поднялся «на-гора». Довольный результатом работы, весело попрощался с товарищами, подошел ко мне. Разговорились. Я знал, что и дома, и на работе у него все наладилось. В свободное время занимается резьбой по дереву, неплохо играет в шахматы (сам удивляется, что появились такие способности). Много внимания уделяет детям, помогает по хозяйству жене. Получил трехкомнатную квартиру.

— Будто заново на свет народился,— улыбается Алексей...

У этой истории счастливый конец. Но в жизни и не так уж редко бывает иначе. Пьянство — это зло, бороть-

ся с которым надо всем миром — решительно, без послаблений.

ЦЕНА ПЬЯНСТВА

Когда им хотелось выпить, а денег, как всегда, не было, Курганов и Исаков шли к своей знакомой Ларисе Каревой.

— Что будем пить, мальчики? — обрадованно встречала их 19-летняя Карева, — спирт, самогон, брагу?

— Спирт, — в один голос тянули мальчики, усаживаясь за стол.

Лариса доставала из холодильника медицинский спирт, ставила закуску, и начиналась пьянка. Захмелев, парни веселились. Слушали музыку, танцевали. Когда же подходило время возвращения с работы Ларисиных родителей, пьянку поспешно закругляли. Лариса наводила порядок в квартире, проветривала помещение, и все уходило подышать свежим воздухом. Так продолжалось довольно долго.

Однажды, после очередной выпивки, будучи в сильном опьянении, Исаков прилег на кровать и заснул. Курганов стал будить его. Между ними возникла ссора, а затем драка. Курганов, недолго думая, забежал на кухню, схватил нож. От полученного тяжкого телесного повреждения Исаков, доставленный в больницу, скончался. Курганов и Карева сели на скамью подсудимых. Такова, коротко, фабула уголовного дела.

Задача суда, как того требует закон, заключалась не только в установлении вины подсудимых, определении им меры наказания, но и в выявлении причин совершенного, установлении поведения виновных как во время противоправных действий, так и в предшествующее преступлению.

Итак, Курганов. Недавно ему исполнилось 17. Живой,

подвижный, по-мальчишески угловатый. Взгляд внимательный, настороженный. Вину в убийстве Исакова признает. Обстоятельства излагает подробно, спокойно. Сожалеет, что убил дружка, с которым «жили как братья».

— Все произошло по пьянке,— заключает он.

Знакомые слова. Сколько преступлений совершено в пьяном угаре! Сколько горя, бед, несчастий! Сейчас, когда идет решительная борьба с пьянством, когда за одно только появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, применяются строгие меры административного взыскания, количество преступлений, совершаемых на почве пьянства, заметно сократилось. И все же они есть.

Как показывает судебная статистика, совершают эти преступления привычные пьяницы, алкоголики, люди, не занимающиеся общественно-полезным трудом, иногда подростки. Одной из причин совершения преступлений подростками являются пьянки, возникающие на почве безделья, потребительского отношения к жизни, безнаказанности за неблагоприятные поступки.

Вернемся к Игорю Курганову.

Еще будучи учеником средней школы (учился до восьмого класса), давал повод для тревоги. Вот что было сказано о нем в школьной характеристике: «С шестого класса мальчик стал нервным, дерзким, ожесточенным. Грубил учителям, выражался в их присутствии нецензурно, сбегал с уроков».

Добавим: курил, употреблял спиртные напитки, бродяжничал. Находясь на учете в детской комнате милиции, продолжал вести себя непристойно. Мать Игоря Галина Порфирьевна Шмелева и отчим Владимир Андреевич Хмырев, как было установлено в судебном заседании, воспитанием ребенка не занимались. Галина Порфирьевна, устраивая свою личную жизнь, забыла о

мальчике, не знала, чем и как он живет, какое влияние на него оказывает она сама.

А влияние было самое отрицательное. Постоянные пьяные компании, выяснение отношений, ссоры, скандалы. Сознание, что ты в этой семье никому не нужен, что каждый может над тобой покуражиться, взять за плечи и выпроводить из дому,— все это травмировало мальчика, ожесточало, способствовало распушенности.

Окончив кое-как 8 классов, дальше учиться Игорь не захотел. Не пошел и работать. Пропадая целыми днями на улице, бездельничая, пристрастился к спиртному. Случайные выпивки превратились в привычную пьянку. Под предлогом учебы в ГПТУ Курганов уехал в Горно-Алтайск. Но поступить в училище там и не пытался. Жил у дедушки с бабушкой иждивенцем. Обманывая мать, жалуясь на материальное затруднение, требовал от нее постоянной помощи. Получая деньги, тут же пропивал их.

В апреле 1985 года Курганов приехал на «каникулы». Погуляв месяц, заявил матери, что возвращаться в Горно-Алтайск не намерен и будет устраиваться на работу в своем городе. Потом объявил, что работает, назвал специальность и предприятие, на котором трудится. Уходил из дому утром, возвращался поздним вечером. Как потом стало известно, Курганов и на этот раз обманывал мать. Именно в это время, слоняясь по городу, он познакомился с двадцатидвухлетним Исаковым, юношей без определенных занятий и постоянного места жительства. Бродяжничество, тяга к спиртному сблизили их. С согласия Галины Порфирьевны Исаков стал жить в их доме. Теперь они всюду были вместе, с утра до вечера. Сообща решали, где и как провести время, достать денег на выпивку. Познакомились с Ларисой Каревой.

О Каревой надо сказать особо. Воспитывалась она в семье, считавшейся благополучной, но благополучие было кажущимся, внешним. Родители любили выпить. Еще до того, как пойти дочери в школу, завел Александр Ми-

хайлович для себя такой порядок: в неделю два-три раза, а иногда и больше, выпивал. А чтобы каждый раз не бегать в магазин, изготовил на заводе, где работал, самогонный аппарат. Заведет брагу, выгонит пять-шесть литров самогону и знай себе пьет. Так и продолжалось, пока не случилось убийство в квартире, пока не изъяли у него в качестве вещественного доказательства самогон и брагу. Правда, самогонного аппарата не нашли. Александр Михайлович успел выбросить его в Иртыш.

Воспитывать детей — дело трудное. Здесь нужна не только любовь, но и воля, здравый смысл, самообладание. Как ведут себя родители, о чем говорят, что делают, так и в дальнейшем, взрослея, поведет себя их ребенок, потому что их поведение оставляет в душе его неизгладимый след.

Какой же след могли оставить в душе дочери Александр Михайлович и Светлана Александровна, если с ранних лет она была предоставлена сама себе и видела, как родители пьянствовали. Окончив школу и медицинское училище, Карева работала фельдшером в пункте комплектации отделения «Скорая помощь». Работала первые несколько месяцев неплохо. Коллектив отделения помог ей освоиться, относился с уважением. Но, едва освоившись, поведение свое Лариса резко изменила. Стала грубить, вести себя развязно. В отделении начали обнаруживаться факты разбавления водой медицинского спирта. Такое поведение Каревой, как установит потом суд, было не случайно. Сказались привычка к вседозволенности, безответственности за свои поступки, пробелы в воспитании. Идя на поводу у Исакова и Курганова, с которыми она начала встречаться, угождая им, Карева стала воровать спирт на службе. А чтобы скрыть следы, разбавляла его водой.

Так было и в тот роковой день. Выпив спирт, Исаков и Курганов принялись за самогон, а затем за брагу. Что было дальше, известно.

Народный суд Октябрьского района города Усть-Каменогорска рассмотрел уголовное дело по обвинению Курганова и Каревой и осудил их: Курганова Игоря Сергеевича, 1968 года рождения, за убийство — к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Карева Ларису Александровну, 1966 года рождения, за вовлечение несовершеннолетнего Курганова в пьянство — к 3 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

КТО В ОТВЕТЕ?..

Слушается уголовное дело по обвинению...

На скамье подсудимых трое. Игорь Разимов, высокий, светловолосый. Ему 18 лет. Сергей Пашков, среднего роста, худой, нескладный, семнадцати лет. Александру Канову — пятнадцать. Он коренаст, круглолиц, держится настороженно, старается не смотреть в зал, где сидят родители.

Все они не отрицают своей виновности, рассказывают подробно, называя дни и часы, дома, где совершали кражи. Поясняют, как проникали в квартиры, что взяли, где прятали краденое.

Глядя на подсудимых, трудно поверить, что они преступники. Парни как парни. Вот разве... Впрочем, послушаем, что говорят они сами.

— Первую кражу совершил один, — рассказывает Канов. — Был пьян. Нужны были деньги. Взял мужские брюки, японский зонтик, женскую куртку, пиджак, кроссовки, шампунь, флакон одеколона... Потом воровал вот с ними, — кивает на Разимова и Пашкова. Всего обокрали десять квартир. Он, Канов, участвовал в семи кражах...

Добавим от себя: десять квартир за 13 дней. Такое

встретишь не часто. «Нужны были деньги». Всего выкрали вещей на три с половиной тысячи рублей.

— Краденые вещи продавали,— продолжает давать показания Канов.— Деньги пропивали...

Да, все так и было. Не проходило и дня, чтобы они не были пьяны. Пили, чтобы не скучать, а больше для храбрости, когда отправлялись на очередную кражу. Кражи совершали как правило, днем. Проникали в квартиры в основном через форточки. Краденые вещи домой приносили не сразу, прятали где-нибудь в безлюдном месте и лишь потом, разделив, уносили каждый к себе. Дома ночевали не всегда. Где были, чем занимались, перед родителями не отчитывались. В лучшем случае что-нибудь придумывали, вроде: ездили за город, сломалась машина и тому подобное.

Подросток... Как строится его характер, образ мышления? Откуда возникает в нем способность к высоким порывам или низким поступкам? Известно, что ему как воздух нужно самоутверждение. Один пытается утвердить себя в роли интеллектуала, другой уходит с головой в спорт, третий увлекается техникой, ремонтирует радиоприемники, магнитофоны. Но есть и такие, которые становятся, так сказать, на путь негативного самоутверждения. Как в первом, так и во втором случаях подростки живут в семьях, с родителями. Кому, как не родителям, тревожиться о судьбах своих детей? Но вот беда, родители бывают разные. Одни делают все, чтобы их дети вырастали полезными нашему обществу гражданами, другие вовсе об этом не заботятся.

Таковыми вот, можно сказать, равнодушными к судьбе своих детей оказались и родители подсудимых. Всех троих. Хотя в отличие от Пашковых Кановы и Разимовы считались благополучными семьями. Правда, это определение касалось скорее лишь материальной стороны.

Сейчас, слушая показания подсудимых, родители

разводят руками. Дескать, не может быть, чтобы наши дети натворили такое, мы же старались...

Недоумение родителей понятно. Они действительно старались. Но вот вопрос, на что были направлены их старания? Возьмем семью подсудимого Канова. Екатерина Викторовна, мать Александра, работала продавцом. Главным в ее заботах о детях было накормить, обуть, одеть. Что касается воспитания, то, считала она, «пусть занимается этим школа». Отец, Борис Сергеевич, сварщик ремонтно-механической базы, придерживался такого же мнения. Будучи по характеру человеком неуравновешенным, он часто впадал в крайность, брался за ремешок. В результате сыновья старались не попадаться ему на глаза, лгали, изворачивались, а затем вовсе перестали с ним считаться, вышли из-под влияния. Так, предоставленный сам себе, старший сын Юрий совершил преступление, был осужден к лишению свободы. Пошел по его стопам и ныне сидящий на скамье подсудимых средний — Александр.

Еще будучи учеником шестого класса, Саша украл туфли из раздевалки школы. Когда о краже сообщили родителям, то они обвинили учителей в оговоре сына, считая, что он не мог этого сделать. Такая «поддержка» родителей укрепила в подростке веру, что ему все можно. Ходил в школу, когда хотел, хулиганил, дерзил учителям, стал курить, употреблять спиртное.

Школа пыталась бороться за дальнейшую судьбу Александра, принимала меры к его перевоспитанию.

Учителя обращали внимание родителей на плохое отношение Александра к учебе, на его вызывающее поведение. Однако в ответ слышали одно и то же: «Не хочет учиться, не надо. Неволить не будем». За систематическое нарушение правил учащихся, плохую успеваемость решением педсовета А. Канову была поставлена неудовлетворительная оценка за поведение в свидетельстве о восьмилетнем образовании. Тогда же он был взят

на учет в инспекции по делам несовершеннолетних.

Казалось, хотя бы теперь должны были родители задуматься, помочь сыну. Но, проглядев старшего, Кановы ничего не сделали, чтобы уберечь от скамьи подсудимых среднего сына. Не насторожило их и то, что Александр все чаще приходил домой пьяный (это в 15 лет), приносил чужие вещи. Надевал краденые джинсы и куртку. Имел золотые кольца, магнитофоны.

Однажды мать все же спросила Александра: «Откуда у тебя это?». Он ответил уклончиво: «Чужие». На том разговор и кончился.

— Я считала, что эти вещи принадлежали его друзьям,— оправдывалась Екатерина Викторовна.— Они часто менялись одеждой, всякими безделушками...

Вся наша жизнь посвящена детям. Мы называем их светлым будущим. Но как, порой, бездумно и даже жестоко мы обращаемся с ними.

Подсудимый Пашков. Мать, Вера Кузьминична, работая продавцом магазина, редко бывала трезвой. Отец, Алексей Николаевич,— хронический алкоголик. Все усилия родителей в доме были направлены на выпивку, все разговоры в конечном итоге сводились к бутылке. Утро начиналось с похмелья. День кончался пьяным угаром.

Сергей рано познал улицу. В тринадцать лет стал выпивать. Состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Кое-как окончив 8 классов, Пашков пошел учиться в ГПТУ. Но здесь, как и в школе, пропускал занятия, был замечен в употреблении спиртного.

«Если бы родители не пили, наверное, со мной такого не случилось бы»,— говорил Сергей на суде. Есть правда, и немалая, в его словах. Ничто так сильно не действует на сознание подростка, как пример старших, близких, семьи.

Родители Игоря Разимова, считая сына взрослым, самостоятельным, совсем устранились от его воспитания.

Кто в ответе за то, что наши дети нарушают закон, оказываются на скамье подсудимых, страдают от алкоголизма родителей, сами начинают пить? Конечно, мы, взрослые. И наша задача — научить подростка умению выбора между добром и злом, помочь ему разобраться в истинных ценностях жизни, предостеречь от неверного поступка.

МАРКОВНА И ШУРИК

В Дымовку я приехал к вечеру. Марковна долго всматривалась, а когда узнала, обрадовалась.

— Не забыли, значит. Ну, заходите.— Она провела меня в комнату, и пока я раздевался, поправила постель, переставила зачем-то с одного окна на другое цветы.— Давно не были...

— Пять лет.— Я взглянул на старушку. Высохла, сгорбилась. Сетка морщин на лице стала гуще.

— Мы теперь все больше с внуком.— В голосе Марковны слышалась боль.— Надежда уехала, а Степан редко бывает дома.

— Значит, вдвоем с Шуриком?— вспомнил я белобрысого карапуза.

— С ним.— Марковна взглянула в окно.— Да вот и он.— В избу вбежал парнишка лет семи.

— Баба,— закричал он,— дай хлеба.— И увидев меня, осекся, стрельнул глазами на стоящий возле стола чемодан, перевел взгляд на бабушку.

— Не узнал,— Марковна ласково дотронулась до головы Шурика.— Владимир Алексеевич это. Отдыхать к нам приехал. Подойди, поздоровайся.

Шурик нехотя сделал шаг в мою сторону, протянул грязную ладошку и вдруг спрятал за спину.

— Вы из милиции?— спросил он.— За папкой?

Я взглянул на Марковну.

— Еще чего выдумал,— сказала она строго,— говорят же, отдыхать к нам.

Шурик дернул носом, попятился, выбежал на улицу.

— Убежал,— беззлобно махнула рукой старуха и, чуть помолчав, добавила:— Напроказничал, вот и ждет милицию.

— Не за себя, за отца беспокоится,— заметил я. Но Марковна, не обратив внимания на мои слова, продолжала:

— Дружков завел, плохому учат. Третьего дня спички унес, а вчера в соседний огород забрался.— Старушка, вздохнув, взяла самовар, вышла во двор.

Потом мы пили чай. Когда стемнело, я спустился к реке. Пройдя немного по берегу, повернул было обратно, как вдруг по дороге, идущей из города, услышал легкий приближающийся топот. Я стал всматриваться и вскоре увидел Шурика. Хотел окликнуть его, но он тотчас же скрылся из виду, а минуту спустя послышался стук калитки и сердитый голос Марковны:

— Ложись спать, полуношник.

Утром я попытался узнать, куда он бегал, но Шурик молчал, а затем стал сторониться.

Так прошло три дня. За это время я несколько раз ходил на рыбалку, успел потерять авторучку, которая была нужна, узнал друзей Шурика. Они были старше его. Держась кучкой, целыми днями шныряли около отдыхающих, что-то высматривали, о чем-то шептались, куда-то исчезали и появлялись вновь. Сам Шурик из дому уходил рано. Затем показывался раза два, засовывал за пазуху кусок хлеба, несколько огурцов и бежал снова к реке. Ходил он в белесых от солнца и воды штанах, в вылинявшей ситцевой рубашке, загорелый, обветренный, в ссадинах и царапинах. Видя, что Шурик избегает меня, я оставил его и больше ни о чем не спрашивал.

Однажды я проснулся от грохота упавшего на пол

ведра. Было без четверти пять. Обычно в это время Марковна вставала доить корову. Перевернувшись, я попытался снова заснуть, но мне это не удалось. Смежив веки, я лежал неподвижно, наслаждаясь приятной дремой. И вдруг осторожные, почти неслышные шаги по комнате. Я открыл глаза. Возле стола стоял Шурик. Боязливо оглядываясь, он торопливо вытащил из пачки несколько папирос. Потом приблизился к чемодану, присел, попытался открыть. В это время в сениях раздался стук, и Шурик выбежал из комнаты.

Я приподнялся. Первой мыслью было догнать его. Уличить в нехорошем поступке. Но что-то удерживало меня. И тогда я вспомнил про авторучку. А может, я не потерял ее? Может, он... Нет, тут же устыдился я своего подозрения. Ручка ему не нужна. Тогда зачем ему папиросы? Другьям? А если он крадет деньги? Если курит? Если...

Встал я с больной головой. Мучил вопрос, говорить или нет Марковне. Может, сначала побеседовать с Шуриком?

Но ни с Шуриком, ни с Марковной поговорить я не успел. Неожиданно приехал Степан. Если бы не Шурик, который восторженно объявил, что приехал папка, я не узнал бы его, так он изменился. Серое, опухшее лицо. Воспаленные до красноты глаза. В движениях суетливость. Говорит быстро, бессвязно, постоянно озираясь по сторонам, будто остерегаясь кого-то. Одет в короткие засаленные штаны и длинный помятый пиджак. Обут в стоптанные полуботинки на босу ногу. Бросив у порога потрепанную хозяйственную сумку, он долго тряс мою руку и, словно извиняясь за свой вид, сразу заговорил о тайге, о жизни лесорубов. Потом вдруг сообщил, что в дороге у него украли деньги, и тут же попросил в счет квартплаты пять рублей.

— Вы не беспокойтесь,— горячо шептал он, выглядывая через окно во двор, откуда с минуты на минуту дол-

жна была появиться Марковна,— все будет хорошо. Старуха возражать не станет.

Видя, что я колеблюсь, он вновь поймал мою руку и, тиская ее, уставился в глаза.

— Не для себя прошу,— сипел он, облизывая пересохшие губы.— Мальцу вот гостинцев купить. За селом встретил. Скучает...

Я взглянул на Шурика и достал бумажник.

Степан сразу смолк, поспешно протянул обе руки, нетерпеливо зашевелил пальцами. Лицо его напряглось, глаза расширились.

— Все будет по уму,— бормотал он.— Все будет хорошо...

Скрипнула дверь. В избу вошла Марковна. Словно испугавшись ее, Степан вдруг подался вперед, выхватил из моих рук пятерку и, обойдя старуху, выскользнул на улицу.

Увидев кошелек, который я не успел спрятать, Марковна остановилась. Лицо ее потемнело, и вся она стала словно меньше ростом.

— Уж не денег ли вы ему дали?— старушка пристально смотрела мне в лицо, и я, признаться, растерялся, почувствовал себя так, будто что-то украл и теперь пойман с поличным.

Марковна устало опустила на скамейку, закрыла глаза.

— Сама я, сама виновата,— с трудом выдавила она, сокрушенно качая головой.— Постыдилась предупредить, сказать вам про свое горе. Думала, обойдется... Сколько дали-то?— тяжело вздохнула она.

— Пять рублей.

Старуха покачала головой.

— Я Шурику на гостинцы...

— Какие уж там гостинцы. Степан сейчас же все пропьет. Ах ты, господи! Вот ведь грех-то какой.— Она

вдруг поднялась, заторопилась к выходу.— Мальчонку не напоил бы.

— Как можно!— воскликнул я.

— Ему теперь все можно.— Мне показалось, что Марковна заплакала. Оставшись один, я с минуту стоял неподвижно, потом вышел на улицу. Смеркалось. От деревьев тянулись длинные зазубренные тени. Неясное предчувствие чего-то недоброго сжимало сердце. «Ему теперь все можно». Что она этим хотела сказать? Неужели Степан серьезно болен?

Перед глазами вдруг встал изможденный, опустившийся пьяница. На грязной ладони звякнули несколько медных монет. Степан? Нет, тот, кажется, был старше, ниже ростом. Но что случилось с ним, Степаном? Пять лет назад был полон сил и здоровья. Работал шофером. Мечтал получить диплом механика. И вот...

Вспомнилась его жена Надя. Надежда Васильевна. Веселая, жизнерадостная. Уехала. Куда? Почему?

На дорожку, по которой я шел, выбежал Шурик. Он только что перестал плакать и теперь часто шмыгал носом. Поравнявшись со мной, остановился, переложил из руки в руку пустую бутылку, потер кулаком глаза.

— Кто тебя?— спросил я, зная, что он ушел с отцом в магазин.

— Никто.

— А где гостинцы?

Шурик показал бутылку. На глаза снова навернулись слезы. Догадавшись, в чем дело, я взял его за руку, как можно мягче сказал:

— Плакать не стоит. Конфеты завтра купим, а бутылку брось.

Шурик тотчас спрятал ее за спину, тревожно позвал:

— Баба...

Из-за кустов вышла Марковна. Но что с ней? Платок съехал, кофта на груди растянулась. Схватившись за

придорожный куст, она остановилась. Мне показалось, что она сейчас упадет. Бросившись к ней, я подхватил ее под руки, довел до лежащего у плетня бревна.

— Что с вами?

— Сердце.— Марковна медленно втянула в себя воздух, притихла. Согнувшись, она с минуту сидела неподвижно и вдруг выпрямилась, глаза ее гневно сверкнули.— Сукин сын! Своему дитю на конфету пожалел. Ах ты, горе мое!

— И давно он пьет?— подождав, когда ей станет лучше, спросил я.

— Второй год. Пил и раньше, но все больше дома, по праздникам. Теперь дня не проходит.

— Он что же... не работает?

— Работал, выгоняли, опять куда-то устраивался, а с весны не работает. Свинья грязь найдет,— Марковна вытерла концом платка лицо.— То дружки, а то лес на сарай продал. Теперь из дому тащит, что попадет. Шуркин школьный костюмчик за три рубля отдал, кровать унес. Одежду опять же с себя пропил.

Старушка смолкла. Говорить ей было трудно. Дышала она прерывисто, широко раскрывая рот.

— Когда нигде ничего не достанет, мальчонку бутылки собирать посылает. Отдыхающие, бывает, бросают.— Марковна повернулась к Шурику.— Издерется весь, ножонки волдырями покроются, а все ищет... А тут еще моду взял караулить отца-пьянчугу, когда свалится где... Не думала я, что на старости опять с ним, со Степаном, мучиться буду. Маленький был, все болел. Пять лет с постели не вставал. Начал вроде бы поправляться, война грянула. Мужа на фронт взяли. Осталась с грудным, да с ним больным. Ни одеть, ни обуть, ни в рот положить. Потом эвакуировать стали. В вагоны посадили да целый месяц сюда и везли. Младший, Алешей звали, дорогой умер, а Степан вот выжил. Уж лучше бы

тогда... Старушка не договорила, опустила голову, скорбно поджала губы.— Надежда пока не уезжала, легче было. Хоть и женщины, а все же двое. Теперь трудно мне...

— Они разошлись?

— Нет. Надеется она. Может, говорит, одумается. К врачам ходила, обещали лечить. Сейчас у родителей, в Семипалатном. Шурку забрать хочет. Учить его надо.— Марковна ласково дотронулась до плеча внука и вдруг заторопилась.— Поздно уже, спать пора.

Домой пришли вместе. Я прошел в свою комнатку, присел на кровать. На душе было скверно, хотелось забыться, но через приоткрытую дверь слышался разговор Шурика с Марковной.

— Баба, а папка придет ночевать?

— Придет, никуда не денется.

— А завтра опять уйдет?

— Может, и не уйдет.

— А когда мамка приедет?

— Скоро.

— А квартирант наш хороший?

— Хороший.

— Он конфет обещал купить.

— Значит, купит.

— Папка тоже говорил, а потом...

— Спи.

Скрипят пружины матраца. Шурик ворочается, вздыхает. Потом все стихает, но ненадолго. Уже через несколько минут я слышу осторожные шаги Марковны. Вот она подходит к окну, идет на кухню, выходит на улицу. Через окно я вижу, как пересекает двор и долго стоит у калитки. Маленькая, худенькая, придавленная темнотой ночи и своим тяжким, неизбывным горем. О чем она думает? Может, вспоминает мужа, не вернувшегося с войны, а может, жалеет, что дожила до этих дней. Я пытаюсь представить ее лицо, но оно расплывается.

Засыпаю под утро. Но через час меня будит Шурик. Одет он в чистую, хотя и сильно поношенную, рубашку. Умыт и даже причесан. Вспомнив вчерашний разговор с ним, я догадываюсь, в чем дело.

— Папка пришел?

— Уехал.— Шурик хмурится.

— Значит, нельзя ему больше дома, на работу надо.

Шурик соглашается, помогает налить воды в мойник, и мы идем в магазин.

С этого дня Шурик от меня уже не прячется. Иногда заходит в мою комнату, однако держится все еще настороженно, в разговор вступает неохотно. Я стараюсь занять его чем-нибудь интересным, прошу показать игрушки, которых у него почти нет, предлагаю почитать книжку. Он усаживается за стол, слушает, а когда на улице появляются дружки, убегает.

Помнится, я готовился к рыбалке. Копал червей, но их не было. И вдруг из-за сарая вынырнул Шурик. С минуту смотрел, как я роюсь в земле, потом сказал, покупая веточку:

— Червяки тут не живут.

— Может, ты знаешь, где и рыба хорошо ловится?

— Где папка ловит.

Шурик почему-то оглядывается, раздумчиво щурится, потом подходит ближе.

— Червяков много во-о-н там,— говорит он, показывая на куст в низине.

Я послушно следую за ним, а через час мы причаливаем к берегу небольшого, заросшего камышом заливчика. Рыба клюет плохо, но я доволен. Шурик впервые разговаривался. Глаза блестят, голос звенит колокольчиком.

— Мы тут с папкой во какую рыбу поймали!— восторженно разводит он руками.

Я невольно замечаю, что об отце он говорит много и всегда с любовью. Стоит мне обратить на что-нибудь его внимание, как он тут же спешит высказаться.

— Папка тоже так может сделать.

С рыбалки мы возвратились вечером. Марковна, принимая улов, добродушно журит:

— Потеряла я вас, да и ужин остыл.— Старуха улыбается, обнимая внука.— Мальчонка он хороший, только никто с ним не занимается.

Я принимаю это как одобрение нашего с Шуриком сближения и предлагаю завтра же отправиться всем на сенокос.

Марковна машет рукой.

— Сама управлюсь.

Я настаиваю, и она идет к соседу за литовкой.

На сенокос выезжаем рано утром, а когда приходит время возвращаться домой, Шурик просит:

— Давайте тут ночевать.

— Ишь, чего выдумал,— сердится Марковна,— отец может приехать.

Я поддерживаю ее, а сам почему-то думаю: боится она приезда сына. Но Степан домой больше не приезжает. Не зная, где он и что с ним, Марковна беспокоится. Я, как могу, успокаиваю, помогаю по хозяйству. Перевожу сено, подправляю крышу сарая. Вместо утренней зарядки рублю на зиму дрова.

С Шуриком мы теперь всюду вместе. Он привязался ко мне. Смышленный, любознательный, с добрым и отзывчивым сердцем, он по-прежнему ни на минуту не забывает отца и ждет его.

Пришло время и моего возвращения в город. Марковна и Шурик проводили меня до автобусной остановки.

— Приезжайте,— говорит она,— привыкли мы к вам.

Шурик был грустный. Раза два порывался что-то сказать, но замолкал на полуслове, отводил глаза в сторону. Когда автобус тронулся, он замахал руками, что-то крикнул, но я его не расслышал.

Шли дни. Я часто вспоминал Дымовку, собирался съездить, да так и не выбрал времени. Между тем на-

ступила осень, зачастили дожди. О поездке в село я уже не думал.

Однажды, когда я только вернулся с работы, в дверь постучали. Я открыл. У порога стоял Шурик. Удивленный и обрадованный, я втащил его в комнату.

— Ты с кем?

— С мамой.

Только теперь я увидел у дверей женщину. Вглядевшись, с трудом узнал в ней Надежду Васильевну, так она постарела.

— Мы на одну минуту,— сказала она и достала из сумочки автоматическую ручку. Это была та самая ручка, которую я потерял в Дымовке.

— Где же вы нашли ее?— удивился я.

— Если бы нашли...— Надежда Васильевна строго посмотрела на Шурика. Он съежился, опустил глаза.

— Вы уж простите его. Хотел отдать, когда уезжали, да не осмелился, а потом жизни не давал. «Не поеду,— говорит,— с тобой, пока не отдам дяд ; Володе». Пришлось искать вас...

Я взглянул на Шурика. Вид у него был самый несчастный.

— Если так, то я дарю ему эту ручку,— сказал я нарочито громко.

Шурик быстро поднял голову, часто заморгал глазами.

— Насовсем?

— Насовсем.

Лицо Шурика покрывается румянцем, на носу выступают капельки пота.

— Спасибо,— тянет он и облегченно вздыхает.

— А что же бабушка, почему не приехала?

Шурик снова опускает голову, хмурит брови, губы его вздрагивают.

— Нет у него больше бабушки,— говорит Надежда Васильевна, и голос ее дрожит.— Похоронили неделю

назад.— Может, и пожила бы, да Степан...— Надежда Васильевна отворачивается, всхлипывает, закрывает концом платка глаза.— Посадили его. Пять лет дали. Женщину ограбил...

В комнате наступает тягостная тишина. Спрятав руку в карман, Шурик подходит ко мне. Я беру его на руки. Он доверчиво обвивает ручонками мою шею, упирается носом в щеку.

— На суде она держалась еще,— словно сквозь сон слышу я голос Надежды Васильевны,— а домой приехала, легла и не встала. С сердцем...

Надежда Васильевна поднялась, застегнула пальто.

— Куда же вы теперь?

— В Семипалатинск.

— А как же дом, хозяйство?

— Дом забили. Сено, корову продали.— Она замолчала. Молчу и я.

— Ну, нам пора,— говорит Надежда Васильевна.

— Вы бы хоть чаю,— спохватился я.

— Спасибо, на поезд успеть надо.

На улицу мы вышли вместе. Небо над городом словно в тумане. В морозном воздухе лениво кружатся первые снежинки.

— Зима,— говорит Надежда Васильевна.

— Зима,— машинально повторяю я и крепче сжимаю теплую руку Шурика.

Потом я долго стою у подъезда и смотрю, как Шурик, согнувшись, бежит за матерью.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

С Александром Беловым я познакомился в доме отдыха. Веселый, жизнерадостный, он целыми днями пропадал на пляже. Играл в волейбол, теннис, купался.

Иногда брал лодку. Забравшись в безлюдное место, рыбачил.

Всякий раз, когда Александр возвращался с рыбалки, его встречали отдыхающие: давай, дескать, уху приготовим, бутылочку возьмем...

Александр отшучивался и отдавал рыбу в столовую.

— Что ты отказываешься?— как-то заметил один из отдыхающих.— Улов жалко, что ли?

— Нисколько,— засмеялся Александр.— Просто не хочу, чтобы люди пили. Водка никому добра не сделала. Зато горя принесла многим. Сам пережил.

Услышав о «пережитом» Александром, я спросил у него, как это случилось? Белов долго молчал. Потом заговорил тихо, взволнованно. Я не перебивал его, слушал. И вот что узнал.

...Лет десять назад, когда был жив отец Александра, семья Беловых жила в своем доме на окраине города. Василий Митрофанович слыл человеком мастеровым, однако любил выпить. Ради этого часами пропадал во дворе, в сарае, где была у него мастерская, ремонтировал машины частных лиц.

Александр рос смышленным, расторопным. Окончив восемь классов, учиться больше не захотел, пошел на завод слесарить. Вот тут-то и стал его Василий Митрофанович понемногу втягивать в свою «калымную» работу. То попросит крыло машины подержать или насос разобрать, а то и за водкой сбегать.

— Ты, Сашок, к этой гадости не привыкай,— часто говорил он, опорожнив стакан.— Немного разве, с устатку.— С этими словами наливал сыну в стакан водки, просил не говорить матери. Александр выпивал, закусывал и снова стучал молотком.

Года через полтора он уже самостоятельно делал небольшой ремонт машин, хорошо мог отрегулировать тормоза, зажигание, выправить, зашпаклевать вмятину. Клиенты за ремонт в основном рассчитывались с отцом,

а ему, Сашке, подавали опять же стаканчик, другой, похваливая при этом за смекалку, остроту глаза. За то, что пошел весь в отца. Гордился Александр, что старшие признают его за равного, и старался еще больше.

Поначалу радовался за сына и Василий Митрофанович. «Этот не пропадет»,— ласково говорил он, поглядывая на сына. Но потом стал замечать жадность Александра к спиртному, спохватился. Начал пресекать выпивку. Говорил, что делать этого не следует.

— Сам знаю!— отрезал сын и продолжал выпивать. Теперь уже не только с отцом и его клиентами, но и прихватывал со стороны. Нередко стал являться домой пьяным, дважды попадал в медвытрезвитель.

А тут вскоре случилась беда: заболел Василий Митрофанович, слег в больницу. Однако Александр особенно не горевал. Приведет домой дружков, откроет сарай, где всякие приспособления, инструменты отца, и скажет: «Ну, что, мужики, чья нынче очередь бежать в магазин?» И зазвонят пустые бутылки, пойдет гулянка.

Отец из больницы не вернулся. Но даже и это не отрезвило сына. Наоборот, смерть отца вроде бы дала Александру полную свободу действий, которые в основном были направлены опять же на выпивку.

Правда, было время, Александр бросал пить. Понравилась девушка, начал дружить, стал лучше работать, хотел даже пойти в вечернюю школу, да так и не собрался. Вскоре женился. Жена хорошая, спокойная, работающая. Жили дружно. Но потом запил снова. Сделал прогул. Обсудили на собрании. Дал слово не пить, но не сдержал его и был уволен.

Оказавшись не у дел, стал пить еще больше.

Высокий, худощавый, в черной поношенной тужурке, ходил, сгорбившись, то и дело оглядываясь, будто опасаясь кого-то.

Как-то Белов выпросил у матери два рубля и тут же пропил их. Выпитого показалось мало, и он стал изыски-

вать возможности выпить еще. Попросил снова денег у матери, у жены, но они отказали. Пытался унести из дома шерстяной костюмчик ребенка, но ему не дали. И тогда Александр решился на крайность: зашел в универмаг, прошел в отдел одежды, взял мужское пальто, хотел незаметно вынести его на улицу, но был задержан. Так он совершил преступление.

На суде Белов чистосердечно рассказал все, как было, однако с заключением судебно-медицинской экспертизы о признании его хроническим алкоголиком не согласился.

— Какой я алкоголик?— горячился он.— Ведь я же молодой. Не отрицаю, пил, теперь не пью, бросил.

— Не верьте ему, граждане судьи, лечить его надо, больной он,— говорила, утирая слезы, мать подсудимого Анна Григорьевна.— Сколько мучений я с ним приняла. Вещи стал уносить из дому, костюм с себя пропил...

— Семья ему не нужна. Ребенок для него чужим стал.— Это уже говорила жена Белова, миловидная, скромно одетая женщина.

Председательствующий суда листал дело, читал производственную характеристику на Белова с последнего места работы. К служебным обязанностям относился недобросовестно, допускал прогулы, в общественной жизни коллектива участия не принимал.

— Что вас заставило украсть пальто?— спросил председательствующий.

— Хотелось выпить,— ответил Белов,— а денег не было.

— Следовательно, преступление вы совершили на почве алкоголя,— резюмирует народный заседатель.— В таком состоянии вы могли бы пойти на более тяжкое преступление?

Подсудимый молчал. Словно взглянув на себя со стороны, он понимал нелепость своих утверждений. Созна-

вал, что действительно болен, и самому ему с собой уже не справиться.

Откашливаясь, переминаясь с ноги на ногу, он проговорил:

— Я согласен с экспертизой. Я буду выполнять все указания врачей. Буду лечиться...

Осудили его тогда к двум годам лишения свободы. Такой срок определили, как он понял потом, чтобы вылечить его, вернуть к семье, к жизни. И принял он это как должное, с первого дня аккуратно стал лечиться. Плохо, конечно, что лечение ему было назначено судом. Можно было попасть в лечебный профилакторий и по заключению врачей. Но в этом виноват он сам. Впрочем, через год после вынесения приговора он был совершенно здоров. Тут же вскоре освободился, устроился на работу. В семье все наладилось. Родился второй ребенок, дочь. Наташей назвали...

Вот такая история. Слушая Александра, я думал: сколько подобных случаев, когда кажущаяся вначале совсем безобидной маленькая стопка оборачивается большой бедой не только для того, кто ее пригубил, но и для тех, кто с ним рядом, для близких ему людей, для всего нашего общества. Хорошо, если найдутся силы взять себя в руки, побороть пристрастие к спиртному, так, как это сделал Александр, а если нет? Так не лучше ли постараться вообще не пить, не испытывать судьбу, помня, что водка никому добра не сделала, зато горе принесла многим.

Без семьи, без детей нет и не может быть полноценного счастья. Однако, согласитесь, несправедлива иной раз судьба. Для кого-то рождение ребенка становится бедой, для кого-то беда — его отсутствие. Женщина, не пожелавшая по каким-то причинам иметь детей, решается порой оставить новорожденного в родильном доме, бросить его на произвол судьбы. Другая женщина, не имеющая детей, берет на воспитание этого ребенка. Но бывают и такие случаи, когда мать, отказавшаяся от ребенка, начинает задумываться над содеянным. И материнское чувство в конце концов берет верх. Она ищет свое дитя. И тогда дело рассматривается судом.

Случается и так, что молодые матери, отцы, устраивая свою личную жизнь или, к примеру, злоупотребляя спиртным, бросают малолетних детей, оставляют на воспитание престарелым родителям, забывая даже о материальной помощи им, уклоняются от выплаты алиментов, обкрадывая детей не только материально, но и морально. Так и живут, прячась, дабы не настиг исполнительный лист, прибегая к разного рода уловкам и ухищрениям. Порой такой «папаша» бегаёт долго. Скитаётся до тех пор, пока не приходит старость. Никому не нужный, немощный, он вспоминает про детей, которые выросли и могут ему помочь. Как они выжили, что вытерпели — неважно. Должны кормить его и содержать. И снова вопрос о справедливости приходится решать суду.

...Одинокая старость. Серые, безрадостные дни и бесконечно длинные бессонные ночи. Что может быть хуже такой старости? Но горше во стократ бывает она у тех, кто оказывается одиноким при родных, близких ему людях. Когда дети, взяв от родителей все, что положено, и даже сверх того, забывают о них.

Всякое бывает на житейских перекрестках, но гораздо меньше было бы страданий, если бы люди помнили о долге, поступали по высоким принципам совести, добра и справедливости.

МАТЕРИНСКИЙ ПРИГОВОР

Последнее время Евдокия Давыдовна чувствовала себя плохо: то сердечный приступ, то ноги откажут, а то голова закружится. И хотя хлопоты ее все больше по дому, но и они подчас не под силу. Спасибо соседке — воды принесет, хлеба купит, печь протопит.

— В больницу тебе надо,— скажет, видя ее болезненное состояние,— полежать, подлечиться...

— Лежала уже,— махнув рукой, ответит старушка и тотчас повернет разговор в другую сторону, найдет в себе силы отшутиться.

А когда оставалась одна, Евдокия Давыдовна часто задумывалась. Нескладно получилось у нее на старости лет. Не думала остаться одна при живых детях, да вот осталась...

По паспорту Евдокии Давыдовне семьдесят два года. В действительности — семьдесят четыре. «Ошиблись, когда паспорт давали»,— говорила она и смеялась. Все равно, мол, работать, хоть так, хоть эдак. Работала она всю свою жизнь. В колхозе дояркой, на прополке и уборке свеклы, убирала хлеб, заготавливала корма, пропадала на лесозаготовках. Проводив на войну мужа, осталась с тремя детьми — мал мала меньше. В свободную

минуту бежала на железнодорожную станцию, грузила зерно, прирабатывала, несла в дом непосильным трудом добытый рубль.

В январе сорок третьего, сразу после боев в Сталинграде, вернулся муж Степан с тяжелыми ранениями. Через год схоронила. Ложилась и вставала с тревожными, горькими мыслями: чем накормить детей? Во что обуть, одеть? Так и жила. Не жила — бежала из последних сил, не видя конца пути. И только позже, когда дети немного подросли, а старший Антон получил паспорт и пошел работать, почувствовала облегчение. Как-никак вместе с Антоном могли наносить из лесу дров на зиму, наготовить травы корове. Все не одной, не одними руками.

Потом подошел срок идти Антону в армию. И хотя без слез не обошлось, однако в душе Евдокия Давыдовна была довольна. Вырос. Перенес и голод, и болезни, и вот идет служить. Жалела, что не дожил до этих радостных дней его отец. Не увидел, каким стал любимец сын. И впрямь красавец. Высокий, статный. Две капли он, Степан, в молодые годы.

Служил Антон где-то на Севере. Через два года демобилизовался. Не успел осмотреться — надумал жениться. Отговаривать не стала. Справила свадьбу, не богатую, не шумную, но от всего материнского сердца. Через месяц уехал с молодой женой на свои хлеба. Не захотел жить в селе, устроился в городе.

Только-только проводила старшего, заневестилась Ирина. Жених оказался строителем, отправились сооружать какую-то ГЭС. Через год вызвали — родилась дочь, нужна помощь. Поехала, нянчила внучку. Слабенькая была, семимесячная. Пришлось выхаживать. Благо, опыта не занимать, всяко со своими приходилось. Потом ездила еще. Была и у Антона. Работал он шофером на грузовой машине. Жил хорошо, хотел лучше. Имел дачу, мечтал о кооперативной квартире, личной машине.

Вырос и младший — Владимир. Окончил десятилетку, засобирався в институт. Учился, приезжал то продуктов взять, то денег. Кончил учебу, приезжать стал реже. Последний раз был проездом. Сказал, что получил высокую должность, обещал написать, да так и не написал.

И, может, все это ничего бы. Так бы и жила она в родных стенах еще крепкого дома, если бы не сделала, как теперь считает, необдуманного шага, не уступила настояниям Антона продать дом и все имущество и переехать к нему в город. Тогда, семь лет назад, движимая материнскими чувствами, она хотела быть рядом с сыном, с внуками, дорожке которых не было ничего на свете. Хотела и потому не могла даже подумать, что вся эта затея с продажей дома и переездом нужна ему, Антону, ради денег. Что уже через полгода она станет в его семье лишней, а еще через некоторое время ее уговорят поехать в ближнее село пожить в специально купленной по случаю избушке, пока не оформят кооперативную квартиру, где и ей будет комната. Уговорят не только пожить на свежем воздухе, но и заняться делом. Так, не успев разогнуть спину, впряглась она заново в работу, повела хозяйство. С утра до позднего вечера присматривала за свиньями, телятами, кормила, выхаживала птицу, чтобы с первыми заморозками увез Антон все в город, на рынок. Хозяйничала год, два, пять. Давно уже перешел Антон в кооперативную квартиру, купил машину, а она все продолжала «помогать» ему вести хозяйство, которое с каждым годом разрасталось, требуя неустанного внимания, а главное — сил.

Трудно сказать, сколько бы еще за счет ее непосильного труда положил Антон денег на книжку, приобрел дорогих вещей, мебели, не случись беды. Снимая с плиты кастрюлю с варевом для поросят, почувствовала, как внутри что-то оборвалось, а к виску словно приложили горячие угли. «Что это со мной?» — только успела поду-

мать и потеряла сознание. Очнулась в больнице. Услышала заключение: «Инсульт с правосторонним развивающимся параличом». Поняла: дела ее плохи. Попросила отбить телеграмму Антону, забеспокоилась, как-то будет с его хозяйством, присмотреть за которым было теперь некому.

Антон приехал под вечер, посидел, покурил, заговорил о деньгах за проданный дом, попросил при врачах-свидетелях подписать доверенность, чтобы мог их получить из сберкасс. Спросил, что припасено у нее из одежды, что надо докупить. Не будет ли она возражать, если похоронят ее здесь в селе, здесь же закажут оградку, сделают поминки, поскольку в городе все обойдется дорого.

Слушая сына, Евдокия Давыдовна молчала. В горле стоял комок, по бледным морщинистым щекам катились слезы.

— Может, оклемаюсь еще,— робко, через силу, сказала она и повела разговор о дочери, младшем сыне Владимире. Зная непомерную жадность Антона к деньгам, попросила вызвать их обоих, чтобы потом вместе решить, что и как...

Но ни Владимир, ни Ирина так и не приехали. Видя, что доверенности на получение денег мать не даст, перестал бывать у нее и Антон.

Шли дни. Серые, похожие один на другой. Привыкшая трудиться, находиться всегда среди людей, Евдокия Давыдовна мучительно переносила неподвижность, одиночество. Думая не столько о своей близкой смерти, сколько о детях, она снова искала причину их черствости. Особо врезались в память трудные послевоенные годы. Припомнила их поведение, привычки, саму жизнь в семье, случаи их бездушного отношения к ней. Зная, каким трудом доставался каждый кусок хлеба, улучив момент, они могли съесть за один присест весь дневной запас, оставив ее без пищи. Однако вразумить, растолковать, что в семье так не делается, она не пыталась. Понимая,

что виноват во всем голод, боялась обидеть их. Надеюсь, что все пройдет само собой, как только жизнь изменится к лучшему. В этом была ее ошибка. И поняла она свой промах, когда перевоспитывать детей было уже поздно.

Евдокия Давыдовна вспомнила, как рос старший, Антон. Был он изобретателен, если не сказать изворотлив. На все смотрел с точки зрения выгоды. Когда же пошел работать, сразу завел свою «кассу», стал откладывать из зарплаты деньги, чтобы иметь, как говорил, «свои сбережения».

Владимир характером не был похож на Антона, но во многом подражал ему. Подрабатывать, будучи студентом, как это делали многие во время каникул, считал для себя зазорным, надеялся на мать, а когда денежный перевод задерживался, напоминал.

Как ни старалась Евдокия Давыдовна, так и не припомнила, чтобы дети сделали ей какой-нибудь подарок на день рождения. Недорогой, самый что ни на есть простой, а лучше цветы. Нет, такого не было. Даже Ирина не оделяла ее своим вниманием. Наоборот, старалась увезти от нее что-нибудь: отрез на платье, пуховый плавок или кофту.

— Зачем тебе,— скажет,— все равно лежать будет...

— Бери,— согласится Евдокия Давыдовна,— куда мне теперь...

И она брала, брали и сыновья. Больше деньгами, считая это обычным, а вернее привычным делом.

Все это, как казалось теперь Евдокии Давыдовне, было очень давно. И вспомнилось так, по случаю, без зла. Ни черствость, ни жестокость, это она хорошо понимала, не возникают сами собой, не вселяются в душу человека вдруг. Это ниточка оттуда, из детства, и прервать ее была обязана она еще тогда, в самом начале.

Вопреки ожиданиям Антона, что мать вот-вот умрет,

Евдокия Давыдовна поднялась. Пересилила недуг с помощью добрых людей, внимательных врачей. Дождалась выписки из больницы. И хотя день для нее был желанным, радостным, однако, выйдя из больницы и не увидев детей, Евдокия Давыдовна горько заплакала. Возвратилась в свою избушку. И поскольку хозяйством заниматься не могла, Антон, как и его брат и сестра, попросту забыл о ее существовании.

Умерла Евдокия Давыдовна так же тихо, незаметно, как и жила эти последние два года после больницы. Утром еще сидела на завалинке, грелась на солнышке, а вечером ее не стало. За несколько дней до смерти попросила соседку пригласить секретаря сельского Совета, депутата, чтобы составить завещание. «Последние дни живу», — сказала и сняла со стены фотографии детей.

Антон приехал, когда мать уже лежала в гробу. Выпроводил всех из избушки, стал искать ее сберегательную книжку. Перетряс одежку, заглянул в подпол, в стоявшие на печке горшки, под матрац. Книжки нигде не было. Позвал соседку, узнал, что книжка в сейфе в сельском Совете вместе с завещанием о передаче восьми тысяч рублей дому престарелых, куда много раз приглашали Евдокию Давыдовну дожить остаток дней в тепле, по-человечески, а четырех тысяч — Наталье Струнниковой, многодетной, давно схоронившей мужа женщине, ухаживавшей за ней, как за родной матерью. Отбив телеграмму брату и сестре, Антон тотчас вернулся в город, «чтобы исправить глупость матери с завещанием», проконсультироваться с юристами, собрать нужные бумаги, доказать, что мать писала завещание будучи психически ненормальной.

Потом был суд. Высокого роста, в модном дорогом костюме, с ранней сединой на висках, Владимир приехал в суд со своим адвокатом, долго говорил о несправедливом решении матери, отдавшей ни за что двенадцать тысяч рублей чужим людям. Настаивал на завещании матери

признать недействительным, деньги поделить между ее детьми.

— Мы свое требуем,— говорил он, покручивая на пальце золотую печатку.

Судья, пожилой, сухощавый, сдвинув на кончик носа очки, внимательно слушал истца, время от времени делая какие-то пометки.

— Когда вы виделись с матерью в последний раз?— выслушав истца, спросил председательствующий.

— Лет восемь назад,— ответил Владимир,— но раньше, когда жила в своем доме, мы приезжали к ней почти ежегодно.

— Вы интересовались, в каких условиях жила она последние семь лет?— задал вопрос народный заседатель.

— Я был спокоен за мать. Она жила со старшим братом.

Братья переглянулись. Антон опустил голову.

— Вы переписывались с ней, помогали материально?— спросил истца прокурор.

— Нет. Лично в моей помощи мать не нуждалась. У нее были деньги за проданный дом. Что касается писем, то у меня просто не хватало времени писать их.

— Вы помните день рождения матери?— снова задал вопрос народный заседатель.

Истец растерянно посмотрел на сестру, старшего брата. Пожав плечами, откровенно признался, что не помнит.

Поддерживая Владимира, требуют удовлетворения исков Ирина и Антон. Последний, ссылаясь на якобы подозрительное в психическом отношении поведение матери, процитировал ее письмо, в котором она с жалостью пишет о заболевшем бычке, ласково называя его человеческим именем, жалуется, что забыла поздравить с праздником, путает имена внуков.

— Разве все это не говорит о том, что мать была ненормальной?— заключил Антон.

Не будем, однако, описывать все подробности затянувшегося в связи с многочисленными ходатайствами истцов дела. Скажем только, что для восстановления истины суду пришлось дополнительно допросить многих свидетелей — сельчан, среди которых жила последние годы Евдокия Давыдовна, врачей больницы, куда она часто обращалась, провести судебно-психиатрическую экспертизу по многочисленным письмам, которые писала детям, выполнить другие действия.

Когда, наконец, все вопросы были разрешены, суд вынес решение:

— На основании статьи 529 Гражданского кодекса Казахской ССР завещание Ухнаревой Евдокии Давыдовны в пользу дома престарелых и Струнниковой Натальи Аникеевны считать законным. Исковые требования Ухнаревых Антона Степановича, Ирины Степановны и Владимира Степановича оставить без удовлетворения.

РАСКАЯНИЕ

Когда у Татьяны Васильевны выдавалась свободная минута и сын был дома, она брала книгу, садилась где-нибудь неподалеку и украдкой любовалась им. Не по годам рослый, крепкий, Игорь был похож на отца. Такой же прямой нос, продолговатое лицо, густые русые волосы. И только глаза были ее. Большие, темные, с янтарным блеском.

Глядя на сына, которому недавно исполнилось десять лет, Татьяна Васильевна всякий раз ловила себя на мысли, что испытывает перед ним угрызения совести, тяготится своим прошлым. Ведь настанет день, когда он захочет узнать об этом прошлом. Ей казалось, что он и теперь уже о чем-то догадывается, иначе чем объяснить

его поведение, когда в ответ на ласки он сторонится ее? В такие минуты, глубоко страдая, она готова была рассказать ему о себе сама, попросить прощения, хотя и сознавала, что еще не время, что мальчик не все поймет. Татьяна Васильевна, грустно вздыхая, уходит мыслями в прошлое.

В тот год ей исполнилось восемнадцать. Жизнь только начиналась. А если добавить, что жила она на всем готовом, то лучшего и желать было нечего.

Мать, Кира Мартемьяновна, не уставала повторять, что ее единственная, горячо любимая Танюшка — самая умная, самая красивая... Таня и в самом деле была недурна собой. Хорошо одевалась. При случае могла порассуждать об искусстве. Назвать двух-трех авторов популярных романов.

Окончив среднюю школу, Таня по настоянию матери поехала в большой город «сдавать на артистку». Однако комиссия, как скажет потом Бельская, «не поняла ее». Вернувшись домой, Таня незаметно очутилась в компании прожигающих жизнь, попросту тунеядцев.

Безделье продолжалось около года, и только после предупреждения соответствующих органов она устроилась на один из комбинатов города лаборанткой. Здесь и познакомилась с будущим мужем, Олегом Шароновым, скромным 22-летним парнем, бригадиром монтажников.

Узнав от дочери, за кого она намерена выйти замуж, Кира Мартемьяновна запротестовала: будущий зять не имел ни высшего образования, ни отдельной квартиры, был тихий, покладистый, а ей нравились энергичные, оборотистые люди.

И все же свадьба состоялась. Помешать, изменить что-либо Кира Мартемьяновна не смогла, потому что в скором времени Татьяна должна была стать матерью. Однако, выдавая дочь замуж, Бельская тогда уже думала о расторжении ее брака.

Вначале она намеревалась взыскивать с Шаронова алименты на содержание и воспитание ребенка. Потом через какое-то время передумала: «Зачем дочери ребенок, если она должна выйти замуж за другого?» А раз так, то новорожденного из больницы не брать.

Татьяна вначале отвергла это бесчеловечное предложение матери. Но привыкшая во всем повиноваться, постепенно уступая настояниям Киры Мартемьяновны, согласилась.

Случилось так, что в родильное отделение Татьяна поступила, когда Олег находился в командировке. Кира Мартемьяновна заторопилась. Надо было успеть до его возвращения осуществить задуманное. Но мать Олега, Ульяна Назаровна, узнав про это, обо всем сообщила сыну в телеграмме. Шаронов тотчас вылетел домой и прямо из аэропорта отправился в роддом.

Дежурная медсестра выслушала Олега и, заглянув в журнал регистрации рожениц, заявила, что Шаронова к ним не поступала. Когда же он рассказал, как внешне выглядит жена, дежурная вдруг грубовато ответила:

— Есть такая. Только матерью ее назвать нельзя. Недостойна она этого имени...— и пригласила его в кабинет.

— Вот,— сказала она, подавая свернутый вдвое листок. Олег развернул бумагу, узнал почерк Татьяны. «Ребенка грудью не кормила,— писала она,— материнских чувств к нему не имею. Брать мальчика отказываюсь».

Олег, не веря своим глазам, прочитал написанное еще раз, спросил, пересиливая волнение:

— Ребенок, где он?

— Где же ему быть,— сочувственно сказала дежурная,— у нас.— И добавила:— Она тоже здесь, пока...

Не будем описывать, каким мучительно долгим был разговор Олега с Татьяной. Скажем только, что он су-

мел-таки отговорить ее от столь жестокого, непонятного для него шага.

Ульяна Назаровна была на пенсии. Жила в своем стареньком домишке и, поскольку здоровье еще позволяло, вела небольшое хозяйство. Сына с внуком и невесткой она встретила радушно. Без лишних расспросов уступила им свою комнату, сама перешла в пристройку. Понимая, что не от хорошей жизни Олег не повез жену с ребенком в трехкомнатную квартиру Бельской, где они жили после свадьбы, старушка повела себя так, чтобы с самого начала и невестка, и сын ее чувствовали себя независимыми, строили семейную жизнь по своему усмотрению.

Но все оказалось непросто. Кира Мартемьяновна продолжала оказывать влияние на дочь. Под разными предлогами Татьяна отказывалась кормить грудью ребенка. Пришлось пользоваться услугами детской кухни. Однако имелось еще одно обстоятельство, которое тревожило и Олега, и Ульяну Назаровну. Не было у Татьяны материнского отношения к сыну. Будто вовсе не она, а другая, посторонняя женщина, родила его. Будто в наказание заставили ее присматривать за ним, за этим маленьким, беспомощным существом. Находясь в послеродовом отпуске, Татьяна часто уезжала неизвестно куда, на день и два, а возвратившись, по-прежнему вела себя так, словно ребенка не было в доме.

Однажды, когда Олег находился на работе, она, собрав свои вещи, уехала. Уехала неизвестно куда и ее мать, Кира Мартемьяновна, вселив в свою квартиру дальних родственников.

Шло время. Понимая, что ребенку нужна мать, через год с небольшим Олег сошелся с одинокой женщиной, согласившейся заменить мальчику мать. Однако прожила она в доме недолго. Возвращаясь однажды с работы, он услышал, как эта «мать» кричала на Игоря. Слова

были унижающими, обидными. Ребенок плакал. Пришлось разойтись.

Тогда же он дал слово не обзаводиться семьей, пока сын не пойдет в школу. Сам поступил в институт на заочное отделение. В эти годы семья получила двухкомнатную квартиру.

Учеба в институте, интересная работа, постоянная забота о сыне не давали ему расслабиться, сетовать на неустроенность жизни.

И все же часто он ощущал вину перед сыном, упрекал себя за то, что не сумел сохранить ему мать.

А Игорь, подрастая, все чаще спрашивал, где мама.

В семь лет он пошел в школу. И тут неожиданно-негладно явилась его «мама». Было это под вечер. Ульяна Назаровна, ожидая внука из школы, возилась у плиты. Татьяна подъехала на машине. Стройная, в дорогом костюме, она почти не изменилась. Ульяна Назаровна, поняв, зачем приехала Татьяна, сильно разволновалась. Поначалу хотела бежать в школу, взять Игоря и уехать к знакомой, но потом устыдилась своих мыслей, позволила сыну.

Олег пришел, когда Татьяна разглядывала фотографию Игоря. Услышав шаги, обернулась. На глазах блеснули слезы. Смущенно улыбнулась, попросила разрешения присесть. Олег сел напротив.

— Я приехала,— сказала Татьяна,— чтобы увидеть сына. Надеюсь, ты мне разрешишь, ведь я не лишена родительских прав...

Олег пожал плечами. Дышать ему было трудно. Все, что было за прошедшие семь лет: и личные переживания, и длительная болезнь сына, и неустроенность — все вдруг вспомнилось, наполнило обидой.

Татьяна поняла его состояние. Опуская глаза, с трудом выдавила:

— Я виновата перед тобой...

— Ты хотела сказать — перед ним?

— Перед ним в первую очередь. Но я прошу: выслушай, пойми меня. Я не могу больше так. Я хочу быть с сыном.

Разговор продолжался долго. Татьяна много раз принималась плакать, говорила, что сойдет с ума, если он, Олег, не отдаст ей Игоря.

— Я не могу слышать детские голоса, видеть счастливые лица матерей,— продолжала она, торопясь.— Я глубоко раскаиваюсь в совершенном. Коли можешь, прости.

В тот вечер Олег не сказал ей ни да, ни нет. Было много сомнений. Следовало все обдумать, взвесить.

Понимая, что сыну нужна мать, он в то же время не верил Татьяне. Все-таки семь лет не подавала о себе никаких вестей.

После неоднократных разговоров с Шароновым Татьяна убедилась, что Олег ребенка не отдаст, и предъявила иск в суд об отобрании у отца сына.

И вот они в суде. Истица и ответчик, когда-то близкие, нужные друг другу люди, теперь «стороны» в гражданском процессе. Тут же представители опеки и попечительства, адвокат, прокурор, родственники, просто пришедшие послушать, как будут «делить ребенка».

Судья попросила истицу обосновать свои требования, пояснить причину оставления ответчику грудного ребенка.

Татьяна Васильевна от волнения долго не могла ничего сказать. Комкая в руках платок, смотрела на собравшихся в зале и волновалась еще больше.

— Сыну было шесть месяцев, когда я оставила его,— наконец заговорила она.— Уезжала, думала забрать позже, но не забрала. Отговорила мать, считая, что нам с новым мужем ребенок ни к чему. Поживите в свое удовольствие, говорила она, с детьми еще успеете... Против ребенка был и новый муж. Он инженер-изобретатель. Два года жили на Севере. Когда вернулись, я

сразу поехала повидать сына, но дом, где жили Шароновы, попал под снос. Куда они переехали, никто не знал.

Суд слушал ее долго, терпеливо. Рассказывала она все, что, по ее мнению, говорило в ее пользу.

— Сейчас мы живем в четырехкомнатной квартире. У нас есть все: дача, машина, денежные сбережения. Мы в состоянии обеспечить мальчику хорошее воспитание, сделать для него все, чтобы не чувствовал ни в чем недостатка. Я не представляю без него свою дальнейшую жизнь. Прошу удовлетворить мои исковые требования.

«Прошу удовлетворить...» Вроде бы, все правильно, она мать и требует своего ребенка. Ловишь себя на мысли, что сочувствуешь ей, веришь, что она действительно раскаивается искренне. Но с другой стороны, прошло семь лет. Все это время мальчик рос и воспитывался с отцом и бабушкой. Какие у нее могут быть на него права? Какие у него могут быть чувства к ней как к матери? Она нужна ему была больше тогда, в первые дни и годы, причем такой, какой впервые взяла его на руки, заглянула ему в глаза, а материальное благополучие для ребенка — это не главное.

— Истица,— ответил представитель опеки и попечительства,— отказалась от ребенка сразу после его рождения. Все эти годы он жил с отцом и бабушкой. Мальчик к ним очень привязан, ухожен, получает правильное воспитание. Материальных затруднений семья не испытывает. Отец хорошо зарабатывает, характеризуется положительно. Бабушка тоже получает пенсию. Считаем передачу матери ребенка в настоящее время нецелесообразным. Следует подождать, когда мальчику исполнится 10 лет, и он сам сможет выбрать, с кем ему остаться. Это надо сделать для блага самого ребенка.

Еще и еще раз суд возвращался к допросу истицы, ответчика, свидетелей, смотрел документы, спрашивал отца ребенка, не пожелает ли он добровольно отдать

сына матери, интересовался состоянием здоровья Ульяны Назаровны и тем, согласна ли она в дальнейшем заботиться о внуке? Слушал защиту, заключение прокурора и только потом удалился в совещательную комнату и вынес решение: на основании статьи 67 Кодекса о браке и семье Казахской ССР отобрание ребенка Шаронова Игоря, рождения 1974 года, у отца, Шаронова Олега Максимовича, и передачу его Шароновой Татьяне Васильевне в интересах ребенка считать нецелесообразным.

Прошел еще год. Татьяна Васильевна, не согласившись с решением суда, писала жалобы в вышестоящие инстанции, приезжала несколько раз к Шароновым: она была готова воспитывать Игоря вместе с ними. Трудно сказать, как бы сложилось все дальше, не случись с Олегом беды. Он тяжело заболел. Заботясь о дальнейшей судьбе сына, отец написал письмо Татьяне, дал согласие на ее приезд. Так вновь они стали жить вместе.

Пройдет еще какое-то время, и Игорь назовет Татьяну Васильевну мамой. Но будет это не скоро...

О ДОЛГЕ И ДОЛГАХ

Они встретились в сельском Совете. Высокий, крепкий еще старик и молодой, среднего роста мужчина, обветренный, загорелый, со спокойным взглядом темных глаз. Их вызвали для разбора жалобы старика-отца на сына. Встретились они не то чтобы враждебно, но отчужденно. Кивнули друг другу, попробовали приблизиться, но остановились на полпути, стали всматриваться друг в друга. Старик — осуждающе, молодой — удивленно.

Первым опустил голову, не выдержав взгляда молодого, старик. Прикрыл губы ладонью, хриповато кашлянул, осторожно осмотрелся. Заметил в уголке, на скамейке, старушку. Узнал в ней первую жену, мать

сына, стоящего от него в нескольких шагах. Узнал и вздрогнул. Считал ее умершей, а она жива. Живой свидетель, которого не хотел бы иметь.

Вот уже третий месяц, как старик Перегудов приехал в когда-то родные ему места. Приехал с целью разыскать сына, потребовать, чтобы приютил, дал угол дожить остаток дней. И разыскал без особых хлопот, по первому «заходу», потому что жил сын Петр в той же деревне, что и родился, в новом, им самим выстроенном кирпичном доме. Работал в колхозе, имел свое небольшое хозяйство. Был в ладу с односельчанами, с которыми вместе трудился, и люди, знавшие Петра, уважали его. Может, так размеренно и продолжалась бы его налаженная жизнь, не вклинься в нее давно им забытый отец Авдей Спиридонович.

...Он пришел под вечер, когда Петр был на работе. Назвал себя, попросил накрыть стол. Жена Петра, Наталья, недоумевая, сказала:

— Простите. Не знаю я вас.

Хотела послать сына за мужем, но Авдей Спиридонович обиделся, собрался уходить.

— Записочку вот оставляю,— ткнул пальцем в бумажку.

В тот же вечер, едва дождавшись Петра, Наталья передала записочку. Выпроводив детей на улицу, спросила, правда ли, что приходивший — его отец. Почему он никогда не рассказывал о нем?

Прочитав записку, Петр сначала подумал, что кто-то что-то перепутал, потом невольно стал представлять, каким может быть отец теперь. Но тщетно — в душе было пусто, холодно.

— Нет,— ответил жене Петр,— если и был у меня когда-то отец, то теперь нет его,— и задумался, вспомнив рассказ матери, как в сорок седьмом, когда люди голодали, отец бросил их.

— Не отец он мне,— решительно произнес Петр.— Не

помню его. Матери говорить пока о нем ничего не надо,— попросил Наталью.— Найди какую-нибудь причину и скажи ей, пусть немного поживет у твоих родителей.

Поселившись в соседней деревне, Перегудов на третий день после встречи с невесткой передал Петру записку с нарочным. «Ты забыл,— писал он,— свой долг перед родителем — отцом, который нуждается в твоей помощи. Что касается нашей несложившейся жизни с твоей матерью, то виновата во всем она сама». Далее шло подробное описание вины матери, которая якобы вынудила его бросить семью, уйти из дому.

Затем приходили еще письма. И в каждом — просьба войти в положение, решить все по-хорошему, по-родственному и угрозы дойти до соответствующих органов.

Однажды, когда Петр собрался после работы идти домой, его пригласил секретарь парткома колхоза. Попросил рассказать, какие отношения сложились у него с отцом. Слушая, то и дело брал в руки жалобу Перегудова, хмурил брови, нетерпеливо крутил в руках карандаш.

— Может, все же возьмешь его?— спросил, заканчивая разговор.— Отец ведь...

— Не знаю,— сказал Петр, уходя.— Поговорю с матерью.

Потом его вызывали на беседу к начальнику милиции, в правление колхоза, к прокурору. Приходили разные уполномоченные домой. И вот он в исполкоме сельского Совета...

Пока председатель сельсовета слушал Перегудова, Прасковья Карповна, мать Петра, перебирала в памяти те далекие годы. То смутно, то явственно вставали перед ней события тех дней, когда муж ее, Авдей Перегудов, отец двух малолетних детей, начал пить и гулять. «Мы жизнью не жалели,— кричал он, стуча кулаком в грудь.— Нам положено».

Прасковья Карповна не перечила. Пусть отдохнет

после военной годины. Угождая, отрывала последний кусок от детей, работала за двоих. Но проходили дни, месяцы, а Авдей трудиться не спешил. «Что мне, офицеру-фронтовику, ваш колхоз?— спрашивал.— В город надо подаваться. Там и заработок, и удобств для жизни больше».

И подался. Сначала не мог найти подходящую работу, затем уехал на какие-то курсы, потом стал ссылаться на трудности с квартирой. Через два года прислал письмо, чтоб не ждала. «Я понял,— писал он,— что мы с тобой не пара. Между нами все кончено». «А как же дети,— загоревала тогда Прасковья.— Без отца расти?» Шло время. Перегудов по-прежнему жил в городе, считая себя свободным, ничем не обязанным семье. «Хоть бы сколько-нибудь помогал детям,— жаловалась Прасковья,— совсем забыл».

— Подавай на алименты,— советовали соседи.— Присудят, будет платить, никуда не денется.

«Позор-то какой, на родного человека в суд жаловаться»,— сдерживала себя Прасковья, где-то в глубине души все еще надеясь, что вернется Авдей и будет жить, как все.

Однако, прождав еще полгода, после долгих раздумий подала заявление в суд. Очень уж тяжело было ей одной с ребятами. А тут еще беда случилась: старший сын Николай попал под косилку. Три месяца лежал в больнице. Хорошо помнит, как, вернувшись с похорон сына, впервые получила она эти самые алименты. Получила на двоих, а одного уже не было. Уронив деньги, машинально опустила на стул и в который уже раз беззвучно заплакала...

Потом алименты от Авдея приходили еще дважды. И все. Ни денег, ни его самого. Как в воду канул. Объявился через год. Сам приехал, собрался жить. «Хватит,— сказал,— набегался по чужим краям, прими и забудь, не таи обиду». Попросил прощения, настоял, чтобы

забрала исполнительный лист, простила задолженность. Обрадовалась Прасковья, поверила — Петру отец нужен. Да и сама намаялась. Без хозяина и дом рушится, и огород травой зарос. Теперь пойдет все, как у людей, по-хорошему, по-семейному. Но недолгой была ее радость. Через месяц, прихватив с собой исполнительный лист и брачное свидетельство, ушел Авдей неизвестно куда. Пока собиралась подать заявление о розыске беглого мужа, явился вдруг человек, отрекомендовался знакомым Авдея. Он принес его паспорт, одежду, сказал, что, работая на лесосплаве, Авдей утонул. Назвал место, где похоронен, да не запомнила она того села, не до того было, залилась слезами, поверила пришедшему на слово. Взяла одежду, паспорт на память Петру, которому исполнилось в то время восемь лет.

И вот он, Авдей Перегудов, «воскрес из мертвых». Стоит перед председателем сельсовета и требует, чтобы сын взял его жить к себе. А если не хочет, чтобы жили вместе, пусть платит алименты.

— Я отец ему,— говорил он, показывая на Петра.— В долгу он передо мной. В большом долгу.

— А где же вы были все это время?— спросил председатель.

Перегудов горбится, часто моргает:

— В разных местах жил, работал...

— Сколько получаете пенсии?

— Пенсии?— будто поперхнувшись, кривит рот Перегудов,— не получаю я ничего, отказали.

— Почему?

— Спроси их,— Перегудов кивнул куда-то в сторону.— Стажу рабочего, сказывают, не хватает. А какой еще стаж нужен?— голос его подскочил, прервался.— Всю жизнь тружусь. И в колхозах скотные дворы, кошары строил, на лесосплаве сколько лет был. Дома опять же людям по договорам, по найму рубил, печи в деревнях клал. А им стажу нету. Да я...— старик вдруг замолк,

обиженно махнул рукой, вытирая вспотевшую, в редких седых волосах голову.

— Вы от организации трудились или сами по себе?

Перегудов, переступая с ноги на ногу, некоторое время молчал.— Сам по себе,— словно обидевшись, протянул он,— и артельно подражались...

— Шабашничали, значит?

— Это уж как хотите называйте. Только лодырем не был. Вот этими зарабатывал...— Перегудов, растопырив пальцы, протянул вперед руки.

— Хорошо зарабатывали?— председатель посмотрел в упор на Перегудова.

— Хватало,— тяжело, с выдохом ответил он.

— Ему-то хватало. Сыт был по горло и выше,— не удержавшись, вступила в разговор Прасковья Карповна.— А детям, ребенку своему копейки не выслал. Тридцать лет прятался, а теперь... Нет, не нужен он нам такой, не нужен.

Лицо Прасковьи Карповны вновь заливают слезы. Но, пересилив себя, она продолжает рассказ о том, как нелегко ей было в трудное послевоенное время растить, воспитывать детей, как, жестоко обманутая, осталась одна с малыми детьми.

— В суд пойду,— нахлобучив кепку, уходя, грозитя Авдей Перегудов.— Закон заставит вас платить мне алименты. Заставит.

— Неужто заставит?— испуганно спросила председателя старушка, когда Перегудов ушел.— Неужто присудят платить ему?

— Не присудят. Нет такого закона потакать отцам-беглецам,— успокоил старушку председатель.

...Однако судебный процесс все же состоялся. В соответствии со статьей 84 Кодекса о браке и семье Казахской ССР народный суд, установив, что А. Перегудов злостно уклонялся от выполнения родительских обязан-

ностей по содержанию и воспитанию детей, в иске о взыскании алиментов с сына ему отказал...

Отцы и дети... Родительский долг воспитать и поставить на ноги детей. Долг детей — окружить престарелых родителей вниманием и заботой, помочь им дожить остаток дней своих в кругу родной семьи. Если этого нет, растут несчастными дети, обижены родители, доживающие жизнь при живых детях в одиночестве. А это во много раз тяжелее, чем совсем не иметь близких людей.

МАКСИМКА

Максимка любит рисовать. Но специального альбома для рисования у него нет. Создает он свои «произведения» на чем попало. То найдет старый, пожелтевший от времени журнал, то возьмет оберточную бумагу, в которой отец приносил ему сладкие, с белой хрустящей корочкой пряники, а то рисует прямо на подоконнике, за что каждый раз получает от бабушки, Анны Филипповны, по мягкому месту.

Купить Максимке тетрадь Анна Филипповна собирается давно, но все забывает.

— Ты мне, бабунечка, такую толстую-претолстую купи,— просит Максимка.— И еще карандаши, всякие такие, рисовальные...

— Куплю,— обещает Анна Филипповна и вздыхает.

Максимке скоро будет четыре, но выглядит он старше, рассудительный, не по-детски серьезный. Два года из четырех живет с бабушкой в маленькой бревенчатой избушке на окраине города. Живет с ней не потому, что нет отца, матери, а, как говорит бабушка соседке Митрофанixe, потому что «семья у дочери развалилась». Что значит «развалилась семья», Максимка понять не может. Но из всего сказанного бабушкой уяснил твердо: папка с мамкой не хотят жить вместе.

— Бабунечка, а наша семья построятся, чтобы папка

с мамкой к нам приходили?— спрашивает Максимка, заглядывая в глаза старушке.

— Хорошо бы,— вздохнув, соглашается Анна Филипповна и, чтобы отвлечь ребенка от ненужных, как она полагает, мыслей, спешит выводить его на улицу.

Иногда через щель в заборе Максимка пробирается во двор к соседу дяде Пете.

— Пришел?— увидев Максимку, улыбается дядя Петя.

— Ага,— несмело кивает Максимка и, спрятав руки за спину, нерешительно продвигается вперед.

— Проходи, чего уж,— приглашает дядя Петя,— давно не был.

Максимка осторожно переступает порог, оглядывается. В комнате просторно, пахнет чем-то вкусным, кругом цветы, на полу большой мягкий ковер. «Вот бы покувыркаться»,— думает он и смотрит себе под ноги.

— Телевизор включить?— спрашивает дядя Петя, обняв его за худые плечики.

— Включить,— соглашается Максимка и живо взбирается на стул.

Из другой комнаты выходит тетя Настя.

— Никак Максимка пришел!— восклицает она и дает ему конфету.— Ешь, еще дам.

— Спасибо,— солидно басит Максимка и зажимает конфету в кулак, прячет, чтобы поделиться дома с бабушкой.

Пока на экране телевизора никакого изображения нет, пока он, потрескивая, нагревается, Максимка в который уж раз внимательно разглядывает лицо дяди Пети. Оно кажется ему похожим на отцовское. Такое же сухощавое, смуглое, с рыжеватой щетиной и такое же доброе, улыбающееся.

«Мой папка хороший»,— думает Максимка и вспоминает последний его приезд. Взбравшись на колени, он обнимал отца, чувствуя какой-то особый, так хорошо за-

помнивший запах, прижимался щекой к лицу и тут же отстранялся. «У-у, какой колючий,— балуюсь, тянул он, поглаживая мягкой ладошкой отцовский подбородок.— Ты еще придешь?»— спрашивал, запустив руку в жесткие отцовские волосы. «Приду»,— отвечал отец и осторожно, чтобы не уколоть щетиной щеку Максимки, целовал его.

Потом они ездили в город. Отец покупал ему мороженое, лимонад, катались в парке на каруселях...

— Ты что это загрустил?— трогает Максимку за плечо дядя Петя.

— Домой хочу,— говорит Максимка,— ко мне папка должен прийти.

— Папка?— дядя Петя понимающе вскидывает густые рыжеватые брови, улыбается.— Раз такое дело, беги.

Но отец не приходит, сколько ни ждет его Максимка, глядя в окно. «Завтра придет»,— решает он и просит бабушку рассказать сказку про сестрицу Аленушку и брата Иванушку.

— Повремени маленько,— вздыхает Анна Филипповна,— дел, вишь, сколько не переделано.

Работы у нее действительно много, все сама, все одними руками: и по дому управиться, и за Максимкой присмотреть. А тут еще эта заноза — думка о дочери Катерине, о ее неустроенности, о том, что не старается она сойтись с мужем, сама сиротит мальчонку. «И в кого такая?»— сетует на дочь Анна Филипповна и вспоминает, как поначалу, когда вышел у дочери разлад с мужем Василием, убивалась Катерина, жалела Максимку, гостинцев привозила. А потом, через месяц-другой, куда все это девалось.

— Ты, мама, прости, все так складывается, что и приехать некогда,— сказала как-то Катерина, встретив ее случайно в городе.— Максимку пока взять к себе не могу, пусть поживет с тобой...

— Ты хоть бы денег давала,— сказала тогда Анна Филипповна,— у меня, сама знаешь, пенсия маленькая.

Сказала и пожалела. Обиделась дочь, сделала вид, что заспешила на автобус. «Хоть бы объяснила, как и что»,— подумала Анна Филипповна, а вернувшись домой, долго не могла успокоиться, рассказала все соседке Митрофанихе.

— Так тебе, старой, и надо,— махнула рукой Митрофаниха.— Все «доченька родная», «внучек ненаглядный», а она, Катерина, вот как тебе... Давно бы в суд на нее подала. Мало того, что мать забыла, она еще и сына пристроила, корми, бабка, внука, крутись-вертись...

— Тоже посоветовала,— не согласилась с Митрофанихой Анна Филипповна.— С какими глазами в суд поташусь, бумагу на родную дочь писать стану? Нет уж, пускай другие этим занимаются, а я как-нибудь переживу. Свитер вот свяжу, продам, а там, глядишь, отец Максимки...

Не договорила, вспомнила, что Василий отдал деньги за два месяца вперед, когда надо было купить сыну зимнюю одежду, привезти угля, дров, перебрать совсем развалившийся сарай, что уехал он, уволившись с работы, и как теперь будет, когда сумеет выслать денег, неизвестно.

— Переживем как-нибудь, много ли нам надо,— сказала она, и голос ее дрогнул.

Потом она с дочерью встречалась еще. И всякий раз надеялась, что Катерина заговорит первая, спросит про сына: как он, не надо ли чего? Анна Филипповна уходила от нее ни с чем, расстроенная. Немного утешало, что дочь последнее время выглядела справнее, наряднее. Может, когда жила с Василием, забот было больше: и обзавестись всем, что хотела, не могла, да и учеба в техникуме, а Василий работал один. Теперь Катерина работала. Жила в двухкомнатной со всеми удобствами

квартире, полученной на троих,— сама себе хозяйка. «Я, мама, обновить обстановку в квартире хочу,— вспомнила Анна Филипповна слова дочери из последнего их разговора,— а это недешево...» «Может, она права,— думает про дочь Анна Филипповна,— ей теперь сколько нужно денег: и одеться по моде, и в квартире чтобы углы не светили, да и на стол подать в случае чего». И опять думки, и опять разные мысли: как можно и как должно быть. «Хоть бы десятку какую мальчонке на молоко выкроила,— вздыхает Анна Филипповна,— не чужому какому, своему — все бы легче...»

В воскресный день Анна Филипповна решилась, поехала с Максимкой к дочери. Дверь, к немалому удивлению Анны Филипповны, открыл бородатый в полосатой пижаме и тапочках незнакомый мужчина. Спросил, кого надо, а когда узнал, кто они такие, хмуря брови, как показалось Анне Филипповне, с издевкой крикнул:

— Катрин, это к тебе. Твой сын и твоя мать.

— Какой сын? Ты шутишь, Мишель.— Катерина вышла с дымящейся сигаретой из другой комнаты и остановилась:

— Вы?— протянула она растерянно, увидев мать с сыном.— Как вы сюда попали? Как ты додумалась, старая, притащить ко мне мальчишку? Зачем ты это сделала? У меня решалась судьба, а ты, ты все испортила... Уходите, сейчас же уходите!

— Опомнись, зачем ты так?— испуганно сказала Анна Филипповна, пытаясь успокоить дочь.— Уйдем мы, только ты...

— Хорошо, хорошо, я знаю, что вам от меня нужно,— перебила, не дослушав мать, Катерина.— Потом, после, а сейчас...— Она распахнула дверь, посторонилась, пропустив мать с сыном.

...Суд состоялся через месяц, когда Анна Филипповна окончательно убедилась, что дочь не желает ни брать сына, ни помогать воспитывать его.

— Если бы она, Катерина, хотела взять парнишку,— пояснила в суде Анна Филипповна,— разве бы я стала препятствовать? Кому, как не матери, растить своих детей? Теперь я прошу об одном: взыщите с нее алименты, я сама, пока есть здоровье, буду ходить за ребенком. Не оставит его и отец.

Вот и все. Однако, как нам кажется, история с Максимкой на этом не закончилась. Как бы не повернулась жизнь Катерины, как бы не устраивала она ее, вряд ли будет счастлива. Ведь она не просто женщина, а мать, у которой есть сын. Придет время — проснутся в ней материнские чувства, только не будет ли поздно?

ЦВЕТЫ В ЧУЖОМ САДУ

— Мама! Мамочка!— девочка подбежала к Вере Сергеевне, испуганно прижалась к ногам. Всклипывая, с трудом проговорила:— Это она, опять она...

В голосе девочки была мольба защитить ее.

— Что с тобой, доченька? Успокойся,— догадываясь, в чем дело, сказала Вера Сергеевна.— Это не та тетенька, ты обозналась.

— Нет, нет, не обозналась,— горячо запротестовала девочка и снова заплакала.

Успокаивая дочь, Вера Сергеевна подошла к окну, выглянула на улицу. Напротив, у тополя, стояла женщина лет двадцати пяти.

«Она»,— с горечью ответила Вера Сергеевна, и сердце ее болезненно сжалось, стало не по себе. Не желая, чтобы дочь еще раз увидела так испугавшую ее женщину, Вера Сергеевна потянула к себе занавеску. Приглаживая золотистые волосики на голове ребенка, задумалась, вспоминая свою жизнь.

...Проработав пять лет на руднике, Вера Сергеевна переехала с мужем в город. Оба устроились на комбинате, получили хорошую квартиру. Тогда же заочно она

окончила политехнический институт, стала работать по специальности. Словом, и она, и муж ее, Андрей Васильевич, были счастливы. Счастье семьи омрачало лишь одно: врачи сказали, что у Веры Сергеевны не будет детей. После долгих раздумий они с мужем решили взять на воспитание ребенка. Вера Сергеевна стала наведываться в дом ребенка, завела знакомство с работниками родильного отделения больницы, просила при случае позвонить...

И ей позвонили. Родилась девочка. Мать отказалась от ребенка. Сообщили, что роженица приезжая, одинокая.

— Другой такой возможности может не быть,— сказала тогда Вера Сергеевна мужу, и он согласился, поддержал ее.

Придя в родильное отделение, она нашла для ребенка кормилицу — здоровую женщину Нину Ивановну, у которой родился мальчик. Трижды в день через весь город возила потом кормить девочку к Нине Ивановне.

Наташа, так Вера Сергеевна и Андрей Васильевич называли дочь, росла спокойной, здоровой. На одиннадцатом месяце начала ходить. Радости не было границ. Только и разговору, что про дочь: как спала, как ела, как впервые по слогам сказала «ма-ма», «па-па».

Впрочем, были и огорчения. Вдруг ни с того, ни с сего девочка начинала температурить. Заснув, тут же просыпалась, отказывалась есть. Вера Сергеевна теряла голову. Вызывала врача, умоляла, требовала помочь. Когда Наташе становилось лучше, плакала от радости.

Как-то вечером пришла Нина Ивановна. В этот раз приход ее насторожил Веру Сергеевну.

— Захотелось попроведать,— сказала она. Потом рассказала, что видела в городе мать Наташи.— Видно, разыскивает девочку,— высказала свои соображения.

— Откуда ей знать, что Наташа в городе?— спокойно

заметила Вера Сергеевна, а у самой перед глазами все пошло кругом.— Может, ты обозналась?

— В одной палате лежали,— заверила Нина Ивановна.— Очень уж красивая. Наташа на нее похожа.

Нина Ивановна ушла, а Вера Сергеевна долго ходила по комнате и все думала, прикидывала, как поступить, куда обратиться, если придет она, Наташина мать, станет требовать девочку.

Едва дождавшись мужа, рассказала ему, просила что-нибудь придумать, предпринять. Андрей Васильевич, как мог, успокаивал жену. А через две недели она снова пережила неприятные минуты.

Гуляя с Наташей по улице, столкнулась с незнакомкой. Спрятав лицо в воротник пальто, она пристально рассматривала девочку. Поспешно возвратившись в квартиру, Вера Сергеевна тревожно начала искать внешнее сходство дочери с подозрительно ведущей себя женщиной, думая, что это и есть ее мать. После этого случая она долго еще оставалась беспокойной.

Шло время. Наташа ходила в детский садик. Обычно после работы Вера Сергеевна забирала ее. Взобравшись к ней на руки, обхватив ручонками шею, девочка восторженно рассказывала, как хорошо было в садике, какие слушала сказки, с кем играла. В такие минуты Вера Сергеевна была счастлива.

Однажды она пришла за Наташей позже обычного. Подходя к садику, услышала плач дочери. Забежала во двор, увидела девочку на руках родной матери. В первое мгновение Вера Сергеевна растерялась, а когда решилась подойти к женщине, забрать Наташу, возле них была уже воспитательница. Спустя некоторое время Веру Сергеевну пригласили в суд...

Она и теперь помнит небольшой светлый зал, высокие судейские кресла. Председательствующая, пожилая женщина, объявила состав суда. Тихо, спокойно повела

разговор о ребенке. Спросила истицу, почему претендует на девочку, воспитывающуюся в другой семье.

Мать Наташи, волнуясь, сказала:

— Девочка — моя дочь. В этот город приехала специально перед родами, заранее зная, что откажусь от ребенка. У меня все так сложилось. С мужем жили без регистрации. Поскандалили, разошлись. Про беременность не сказала. Думала, сойдемся. За два с половиной месяца до родов познакомилась с хорошим парнем. Он служил в армии. Переписывались. Через год обещал приехать, жениться. Поменяла место жительства. Стала ждать. Но случилось так, что после рождения ребенка встретила опять с мужем, мы сошлись. Рассказала про дочь. Все эти годы искала ее...

Слушая мать Наташи, Вера Сергеевна прониклась жалостью к ней. Однако, взглянув на девочку, взяла себя в руки, всем существом выражая готовность отстоять свое право на дальнейшее воспитание ребенка.

Наташа, словно понимая состояние Веры Сергеевны, теплым комочком прижалась к груди, заглядывая в глаза.

— Чего вам волноваться? — зашептала сидящая рядом Нина Ивановна. — Не вы — она бросила девочку. Отказалась, а теперь увидела цветочек в чужом саду. Да я бы ее...

— Отказываясь от ребенка, — продолжала истица, — я дала подписку, что никогда не буду требовать девочку. Но теперь... Теперь я не могу без нее...

Помолчав, она добавила:

— Мы с мужем работаем. У нас свой дом, хозяйство. Прошу вас: верните мне дочь...

...Бесконечно долго тянется время. Ожидая решения суда, Вера Сергеевна сильно волнуется. В голову приходят разные мысли. «Нет, не отдам я девочку, — решает она. — Никому, ни за что».

И вот, наконец, решение: «Отмену удочерения в интересах ребенка считать нецелесообразной».

...Вера Сергеевна тихонько отодвинула занавеску, снова выглянула на улицу. Наташиной матери не было. Позвонила Андрею Васильевичу.

Через месяц все трое из города выехали.

ОТ ДЕТЕЙ ОТКАЗЫВАЮСЬ

Вот уже два с лишним года растет Ромка без отца. Живет с матерью и бабушкой. Ушел из семьи его отец Василий Зятков. Сбежал, когда сыну было четыре года. Уехал на большие заработки и исчез. Через три месяца, тревожась, не случилось ли чего, стала искать его мать Ромки, Валентина Андреевна. Нашла. Жил он в полевом вагончике. Грязь, духота. Небритый, немытый. Работал по договору в бригаде шабашников, строил коровник. Все, что зарабатывал, пропивал. Напомнила об отцовском долге, рассказала, что сын часто спрашивает, скажет, что ей трудно одной и мать тяжело болеет. Расчувствовался Зятков. Слезу пустил. Обещал с получки денег прислать. Просил потерпеть до осени, пока закончится строительство.

Вернулась домой Валентина. Стала ждать обещанной помощи. Минул месяц, другой. Осень пришла. Снег на дворе выпал. Нет от мужа ни писем, ни денег. Нет и его самого.

Снова пустилась она на поиски. Добралась до совхоза, где шабашничал. «Рассчитался,— говорят.— Осенью еще укатил, а куда — неизвестно. То ли в тайгу с промысловиками подался, то ли в теплые края вслед за перелетными птицами. А скорей всего пьянствует где-нибудь. Деньги-то получил...»

Съездила Валентина еще в два места, да и вернулась домой ни с чем. Подсадовала, поплакала, но слезами горю не поможешь. Надо было что-то предпринимать.

Обуть, одеть на зиму парнишку. Матери питание хорошее, лекарства нужны. Стала подрабатывать, убирать лестничные марши в соседнем доме. Деньги небольшие, но без них не обойтись.

Наверное, еще долго бы бегал Зятков, считая себя никому и ничем не обязанным, если бы не подсказали ей добрые люди обратиться в народный суд с иском о взыскании с него алиментов.

Народный суд вместе с решением о взыскании алиментов с Зяткова объявил розыск ответчика, поручив его органам милиции.

Нашли отца-беглеца на одной из далеких строек. Решил исчезнуть, раствориться в многолюдье. Успел обзавестись новой семьей. Но ни отдаленность, ни «потеря» паспорта не помогли ему. Пришлось платить сполна.

Советским законодательством четко определены обязанности родителей и когда брак расторгнут в законном порядке, и когда супруги не разведены, но один из них уклоняется от материальной помощи на содержание и воспитание детей.

Конечно, большинство родителей и при распаде семьи помогают своим детям добровольно. Но находятся такие, которые уклоняются даже от исполнения решения суда о взыскании с них алиментов. В этих случаях действует еще одна правовая гарантия защиты интересов семьи — уголовная ответственность.

Расскажу еще об одном случае. По решению народного суда Н. Гуркин обязан был платить алименты на сына. Однако почему-то считал, что может этого не делать. А если и высылал деньги семье, то, как правило, с заниженного заработка. Например, вместо шестидесяти рублей только двадцать.

Уже сам уход отца из семьи, как считают психологи, калечит ребенка морально. Злостное же уклонение от уплаты алиментов ставит его и в неравные с другими детьми бытовые и имущественные условия. Обкрадывая

таким способом своего сына, Гуркин недоплатил более трех тысяч рублей. Пренебрежение беглого папаши отцовским долгом бесконечно продолжаться не могло. Он был привлечен к уголовной ответственности.

В суде вел себя покаянно, тихо. Старался произвести хорошее впечатление. На вопросы отвечал осторожно, не спеша. Обвинял в распаде семьи бывшую супругу. Говорил, будто делал все возможное, чтобы в семье были достаток, согласие, но жена взваливала на него много других забот, заставляла смотреть за ребенком. Из-за этого начались скандалы, незаслуженные упреки. «Выпил, допустим, с друзьями в выходной — жди ссоры. Оставил с получки десятку-другую — шум на всю неделю. Вот так и жил,— зло заключил Гуркин.— А сына я любил. Люблю и теперь...»

Подсудимый вздыхал, морщился. Делал вид, что ему трудно говорить, что из глаз вот-вот брызнут слезы.

— Сына навещали?— участливо спрашивал председательствующий.

— Разумеется,— утвердительно кивал подсудимый, но, встретившись взглядом с бывшей женой, поспешно поправлялся:— Не часто. В год два-три раза.

— Работая по договору, вы за четыре месяца получили 3 539 рублей. Сколько из этой суммы перечислили сыну по исполнительному листу?— спросил народный заседатель.

Гуркин, теребя пуговицу пиджака, молчал. Оправдаться ему нечем. Просит не наказывать строго. Но народный суд приговорил его к двум годам лишения свободы.

Судебная статистика знает случаи, когда и женщина уходит из семьи, бросает своих детей, злобно уклоняется от уплаты алиментов, что в конце концов приводит ее на скамью подсудимых.

Шадрина по решению народного суда была обязана выплачивать алименты в размере 50 процентов заработка

в пользу своего бывшего супруга В. Шадрина на содержание и воспитание трех малолетних детей до их совершеннолетия. Однако, ведя разгульный образ жизни, она никакой помощи своим детям не оказывала, часто меняла места работы, длительное время вообще нигде не трудилась. Когда же ее спросили, почему она не выполняет решение суда, Шадрина ответила: «У детей есть отец, и пусть он их содержит. Я от детей отказываюсь».

Народный суд осудил ее к лишению свободы и взыскал с нее большую задолженность по алиментам.

Дела алиментные... Их много. Самых разных и самых неожиданных. Неизменно одно: за каждым из них судьбы детей.

Рассматривая эти дела, судьи, как правило, стараются выявить причину злостного уклонения от выплаты алиментов. Спросить с таких родителей, почему живут они спокойно, не ведая чувства вины? Почему лишают своих детей самого главного, самого дорогого — материнской ласки, любви, отцовского внимания и заботы, а нередко и семейного очага? Побуждают задумываться о том, что рано или поздно им придется держать ответ перед теми, кого они бросили, смотреть в глаза тех, кого породили на свет и предали.

Бывает так: живет человек спокойно, безбедно, работает, отдыхает. И нет причин вздрагивать по ночам, вскакивать с постели, покрываясь холодным потом. Но вот подворачивается случай занять нетрудовой рубль. И что же? Человек порядочный не поступится совестью, не уронит честь. Другого же захватывает соблазн легкой наживы, безмерного приобретательства, стремление пожить за счет чужого труда. Имея в руках народные деньги, он путает свой карман с государственным. Дальше — больше. Оставаясь безнаказанным, постепенно отходит от общественно полезного труда, ведет, по существу, паразитический образ жизни, разлагающе действует на окружающих, особенно молодежь. Посвягая на народное добро, он не только наносит материальный ущерб государству, но и нарушает основной принцип социалистического общества — справедливость распределения материальных благ.

Искушению легкой наживы подвержены подчас и люди, казалось бы, морально устойчивые, не способные совершить противозаконные действия. Нередко это лица, занимающие ответственные посты, материально обеспеченные, умеющие говорить о нравственности, морали. Начиная с мелочей — подношений в знак признательности, с подачек и поборов, они доходят до опасного преступления — вымогательства, взяток, которые часто бывает связано с другими, не менее опасными преступле-

ниями: хищениями социалистической собственности, спекуляцией, мошенничеством, приписками.

Обряжаясь в пристойные одежды, мздоимец втягивает в орбиту других лиц, ограждает себя круговой порукой, что затрудняет борьбу с ним.

...С робкого, незначительного, вроде, шага начинается падение человека, шага, незаметного иногда для него самого. Внутренние рычаги не удерживают непорядочного, совесть не останавливает, поэтому предостеречь в начале пути — самое эффективное, остановить — самое действенное.

СЛЕПАЯ ДОВЕРЧИВОСТЬ

С тех пор, как в руки Т. В. Мантаева попал бланк доверенности с круглой печатью и штампом УПТК объединения «Семипалатинсктяжстрой», он потерял покой. Работая экспедитором УПТК, Тлеугазы Валиевич знал, что доверенность при соответствующем ее оформлении дает право на получение материальных ценностей, которыми он, Мантаев, мог бы распорядиться по своему усмотрению. Останавливала одна тонкость, которую понимал экспедитор: получать ценности на свое имя опасно. Делать это нужно по чужому паспорту. Но где его взять?

В один из осенних дней, будучи в Усть-Каменогорске, Мантаев пришел на автовокзал. Осмотрелся. Из-за угла пивного бара, пошатываясь, появился человек и направился к автобусной остановке.

— Эй, браток,— остановил его Мантаев,— где тут можно купить бутылку?

— Вон там, за углом магазин,— пьяно махнул рукой мужчина.

— Может, покажешь, где? Выпьем потом вместе.

— Не возражаю,— согласился прохожий и назвалс^я Геннадием Ивановичем Бурнашевым.

— Бурнашев, говоришь?— подавая руку мужчине, недоверчиво прищурился Мантаев.

— Могу показать паспорт,— обидчиво скривил губы Бурнашев и полез в нагрудный карман пиджака.

— Не надо,— остановил его Мантаев,— идем в магазин.

Пили на берегу протоки, возле автовокзала. Выпили много. Бурнашев сильно опьянел и дальнейшее помнил смутно. Когда проспался, то обнаружил пропажу паспорта и денег, которые получил, расторгнув договор страхования. Хотел заявить в милицию, но передумал. «Деньги не вернешь,— решил он,— а паспорт, возможно, подбросят. Кому он нужен...»

Между тем, завладев чужим паспортом, Т. Мантаев поспешил к Усть-Каменогорскому заводу древесно-волоконистых плит. Встретил там приехавшего из АТП «Семтяжстрой» водителя Виктора Николаевича Нохрина. Поговорив о том о сем, Т. Мантаев предложил ему выпить. Узнав, что Нохрин нуждается в деньгах, поделился с ним своим планом: получить с завода древесно-волоконистые плиты и продать их. Показал доверенность, чужой паспорт, пояснил, как и что они должны сделать. Нохрин, понимая, что Мантаев толкает его на преступление, сначала отказался, но, узнав, сколько может заработать, согласился. Тут же отойдя в сторону, они заполнили бланк доверенности. Мантаев расписался за руководителя предприятия и главного бухгалтера. Нохрин — за Бурнашева.

Дальше все прошло без особых затруднений. Через пару часов, предъявив доверенность и паспорт Бурнашева в отделе сбыта завода, Нохрин получил товаротранспортную накладную, пропуск, разрешающий въезд на территорию завода. Подъехав к складу готовой продукции, загрузил машину плиткой и вместе с Мантаевым,

который находился в кабине машины, выехал через проходную в город. В этот же день они прибыли в Семипалатинскую область.

Так на глазах у многих было совершено преступление, которого могло и не быть, если бы работники завода к выполнению своих трудовых обязанностей отнеслись добросовестно.

— Я заметил,— пояснил суду подсудимый Т. Мантаев,— что, выписывая товаротранспортные накладные, работники отдела сбыта завода, а также другие материально-ответственные лица редко когда сверяют фотографию в паспорте с его предъявителем, получателем грузов, не сличают его роспись с росписью в доверенности, не смотрят прописку. Поэтому, имея бланк доверенности, я решил рискнуть...

Да, в судебной практике известны случаи, когда жулики, расхитители народного добра успешно использовали ротозейство и бесхозяйственность, нарушения трудовой дисциплины отдельными работниками. Так фактически было и на этот раз. И все же. Можно ввести в заблуждение одного человека, воспользоваться невнимательностью другого, но чтобы вот так обмануть многих...

— Работаю начальником отдела снабжения и сбыта завода ДВП давно,— дает показания Людмила Ивановна Утенко.— Обязанности свои знаю. Знаю, как следует оформлять документы на выдачу готовой продукции, какой существует порядок. Требую сначала доверенность, паспорт, серию и номер которого сверяю с записью их в доверенности и только потом выписываю товаротранспортную накладную...

— Скажите,— прервал ее председательствующий судья,— документы на получение древесно-волоконистых плит, предъявленные подсудимым Нохриным, оформляли вы?

— Я,— согласилась Утенко и признала, что на этот

раз она поторопилась и не посмотрела на фотографию владельца паспорта, не сверила его роспись с росписью в доверенности, выписала пропуск, поставив в нем номер машины со слов Бурнашева.

— Было это в первый и в последний раз,— заключила она.

— Виноваты, недоглядели,— каялась бухгалтер завода Т. Антонова и кладовщик склада древесно-волокистых плит Н. Кошелева, в обязанности которых входит проверка документов после их выдачи отделом сбыта.

— Я надеялась,— пояснила Н. Кошелева,— что сторож не выпустит с территории завода машину, если в документах обнаружится какая-нибудь неточность.

А служба охраны в свою очередь понадеялась на снабженцев и бухгалтерию и тоже проявила безответственность. Так, охранник П. Волоканов, сидящий теперь на скамье подсудимых рядом с Мантаевым и Нохриным, не только не проверил документы на груз при выезде машины с территории завода, но даже не вышел из помещения проходной, не взглянул на госзнак автомобиля, не сверил его с номером, проставленным в пропуске. Сделай это, он увидел бы их несоответствие.

— Я знал Мантаева,— дает показания П. Волоканов.— Он часто получал на заводе разные грузы, и поэтому посчитал, что документы у него в порядке.

Вот так. Одни при оформлении документов на отпуск заводского изделия не сверили серию и номер паспорта с данными доверенности, другие понадеялись на бдительность сторожа, который, в свою очередь, положился на порядочность получателя, иными словами, в результате грубого нарушения трудовой дисциплины, халатного отношения к своим обязанностям, серьезных упущений в охране государственных ценностей днем через проходную завода было совершено хищение социалистического имущества в крупном размере.

— Всего со склада готовой продукции мы похитили

1000 листов древесно-волоконистых плит на 4 642 рубля по государственным розничным ценам,— продолжает давать показания подсудимый Мантаев.— Приехали в Семипалатинскую область, где в селе Васильковка плиты продали по 5—8 рублей за лист. О разоблачении не думали. В уме были одни деньги.

— Я нуждался в деньгах,— подсудимый Нохрин немного помолчал и продолжал.— Купил машину. Должен был получить квартиру, хотел приобрести хорошую мебель. Словом, когда Мантаев сказал, что можем прилично заработать, я подумал и согласился...

Понимая, что его желание иметь в квартире хорошую обстановку не дает ему права делать это за счет государства, Нохрин опять замолчал, опустил голову.

И вот приговор суда: за групповое хищение государственного имущества в крупных размерах путем мошенничества Тлеугазы Валиевича Мантаева подвергнуть лишению свободы на 8 лет в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, Виктора Николаевича Нохрина — к 5 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима с конфискацией имущества, Петра Петровича Волоканова за преступно-халатное отношение к охране социалистического имущества — к одному году лишения свободы условно.

ДЕЛО О ХИЩЕНИИ

От городского автовокзала до села Предгорного автобус идет полтора часа. Если человек не спешит, то это расстояние он проедет незаметно. Но если на учете каждая минута, каким долгим, мучительно длинным покажется путь.

Василий Васильевич Ракитин, старший следователь прокуратуры, в который раз посматривал на часы, досадуя на малую скорость автобуса. Вот уже третья неде-

ля, как принял он уголовное дело о хищении кооперативных средств в Красногорском сельпо Лубковского района, а расследование шло слабовато. С утра до позднего вечера вместе с ревизорами он копался в бумагах, придирчиво сверял товарно-денежные отчеты, изымал все новые и новые бухгалтерские документы. Сотни подделанных, подчищенных, сфабрикованных заново фактур легли уже на стол в качестве вещественных доказательств. А сколько еще не проверенных? Что в них? Какие новые люди станут рядом с уже известными, подозреваемыми?

С каждым днем росла цифра похищенных государственных средств. Пять, десять, двадцать тысяч рублей. Большой опыт работы следователя подсказывал Ракитину, что хищение было организованным, совершено под руководством работников бухгалтерии, иначе расхитители не смогли бы так долго и безнаказанно орудовать.

Но кто же они, подозреваемые? Чанышева? Сурина? А может, и та, и другая? Надо начинать работать с людьми.

Василий Васильевич машинально вытащил пачку сигарет, но, вспомнив, что он в автобусе, досадливо махнул рукой и снова посмотрел на часы. Время. Как оно дорого сейчас!

Но вот наконец он в прокуратуре. В небольшом светлом кабинете. Можно начинать работу.

— Ваша фамилия, имя, отчество?— Ракитин посмотрел на худощавую, небольшого роста женщину лет 30 с лишним и увидел, как дрожат у нее руки, а на глазах слезы.

— Савченко я, Мария Андреевна,— ответила она и тут же выпалила:

— Не виновата я, гражданин следователь. Не хотела. Чанышева все это... Работала я продавцом в продуктовой ларьке, Чанышева часто брала колбасу, масло, мясо. Присылала сына за продуктами, но деньги не

платила. Муки несколько мешков Павел Каранов ей отвез, деньги опять не отдала. Часто брала из кассы деньги и тоже не отдавала. Когда я составляла отчет, она делала исправления в фактурах, а то и вовсе рвала их. Себе я денег не брала. Продукты, и то редко. Если б не Чанышева, разве бы я...

Василий Васильевич дал подписать ей протокол допроса, разрешил идти. В кабинет зашла пожилая женщина.

— Лесникова Нина Владимировна,— представилась она.

— Вы обвиняетесь в хищении кооперативных средств совместно с Чанышевой и Суриной. Признаете себя виновной?

— Частично,— ответила Лесникова.

— Расскажите, как это было?

— Началось все после нового года. Помню, в магазин пришли Чанышева и Сурина. «Дай,— говорят,— четырехста рублей». «Что вы,— отвечаю,— откуда у меня такие деньги?». — «Возьми из кассы». «Не могу,— говорю я,— ревизия может нагряться». Раиса Чанышева мне: «Не бойся, все в наших руках». Не давала я, а потом...

Лесникова, вытирая лоб платком, настороженно посмотрела на бумаги, лежащие на столе.

— Вскоре я пришла к ним с отчетом,— продолжала она.— Чанышева с Суриной записочкой перебросились. Приходные фактуры потребовали. Документы, значит, на прием товаров. Отобрали на пятьсот рублей и в стол прятали. А отчет переписать заставили. Вот тогда я и поняла, что к чему. О своей догадке намекнула им. Затем они мне сто рублей отдали, сами по двести взяли. С тех пор и пошло...»

Василий Васильевич пододвинул Лесниковой стопку фактур, попросив показать, в каких она делала изменения.

— Ничего я не делала,— сказала Лесникова, и голос ее дрогнул,— все они, Чанышева с Суриной.

— А это вы исправляли,— он подал Лесниковой товарно-денежный отчет.

— Нет, что вы,— отмахнулась Лесникова,— не моя это рука и подпись не моя.

— Значит, это сделали бухгалтеры,— решил Василий Васильевич и выписал повестку Суриной.

...Сурина держалась свободно, просто, говорила спокойно. И только в глубине глаз страх, настороженность. Вот уже третий раз допрашивал ее Ракитин, и она категорически отрицала свою вину.

— Вы напрасно беспокоите меня, Василий Васильевич. Если будут доказательства, признаюсь.

— У вас дети есть?— вдруг спросил ее Ракитин. Лицо Суриной потемнело.

— Есть.

— Подумайте о них. Мне придется взять вас под стражу, если вы...

Он не договорил. Сурина, вздохнув, сказала:

— Признаюсь, я действительно замешана во всем этом.— Она кивнула головой на пачку подделанных фактур.— Но сколько брала и когда, не помню.

Это был опять разговор о доказательствах.

— С какими продавцами имели связь?

— С Лесниковой.

Ракитин вытащил пачку фактур.

— Здесь есть доказательства.— Сел напротив, стал наблюдать, как осторожно взяла она бланк, внимательно стала читать. Через час Сурина, отложив четыре фактуры на 1600 рублей, сказала:

— Это признаю.

— Признаете потому, что фактуры переписаны вашей рукой?

— Да.

— Кто «обрабатывал» остальные? Чанышева?

— Это вы у нее спросите.

— Ну что ж, придется спросить Чанышеву.

К допросу Чанышевой он готовился долго и тщательно. Знал, что она около двадцати лет проработала бухгалтером, понимала, что делала, и уже поэтому разговор с ней будет трудным.

Она пришла точно в назначенное время. Держалась с достоинством, но заметно волновалась. Видимо, Сурина сообщила ей о своем признании, и это ее встревожило.

— Кроме предъявленного вам обвинения на предыдущих допросах в многочисленных подделках фактур вы обвиняетесь в подделке сводных лицевых счетов продавцов Лесниковой, Савельевой, Харченко, Стасюк и других.

— Если что и делала,— ответила Чанышева, ерзая на стуле,— так я уже говорила, без умысла, без корысти, ради регулирования третьего счета. Теперь вижу — ошибалась, можете наказывать.

— Регулировали расхождения в тысячу рублей?

Голос Василия Васильевича остался ровным и лишь время от времени на скулах поигрывали желваки. Чанышева молчала.

— Вам предъявляются сводные журналы, товарно-денежные отчеты. Вам предъявляются...

Прошел час, другой, третий. Василий Васильевич терпеливо, в который уж раз слушал объяснения Чанышевой об ошибках в работе, о регулировании третьего счета и т. п.

В этот день он взял ее под стражу, а по документам, изъятым из бухгалтерии сельпо, назначил комплексную (криминалистическую, графическую и техническую) экспертизу. Всего на экспертизу он направил более 600 документов.

Эксперты не только подтвердили фиктивные тексты фактур, подписи и цифровые данные, но и конкретно указали, кто именно это сделал. Взятые под стражу Су-

рина и Лесникова под давлением неопровержимых доказательств признали большинство махинаций, проделанных ими совместно с Чанышевой. Сурина признала, что она похитила около 16 тысяч рублей, а Лесникова — 15 тысяч. Но это было далеко не все.

«Нужна бухгалтерская экспертиза», — решил Ракитин. Уже через неделю по получении заключения он мог точно сказать, кто сколько похитил государственных денег, кто с кем был связан.

...Выездная сессия областного суда, рассмотрев дело, приговорила: Чанышеву В. М. к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества; Сурина Д. Н. и Лесникову Н. В. — к 10 годам лишения свободы, каждую с конфискацией имущества. Понесли заслуженное наказание и другие лица, причастные к этому делу.

РЕВИЗОРЫ ПРОВЕРЯЛИ...

Человека, попавшего в беду, жаль. И как могли коллеги не посочувствовать Наталье Владимировне Голоушко и Фаине Афанасьевне Фихтер, когда против них возбудили уголовное дело!

— Хищение? Не может быть! Произошла ошибка, — дружно восклицали они, не принимая во внимание никакие доводы.

Пятнадцать лет проработали Голоушко и Фихтер в магазине «Юбилейный». Фаина Афанасьевна — контролером-кассиром, Наталья Владимировна заведовала отделом «Мужская одежда». Пятнадцать лет — и почти ни одного замечания, ни одного грубого нарушения правил торговли, не говоря уже о допущении недостачи, хищении материальных ценностей. Трудовая книжка Голоушко пестрит благодарностями, записями о денежных премиях. Есть у нее и значок «Отличник советской торговли», и свидетельство о присвоении звания «Ударник

коммунистического труда», и почетные грамоты за добросовестную, долголетнюю работу в системе продснаба. Несколько раз Наталья Владимировна избиралась председателем товарищеского суда, была наставником молодежи, выполняла и другие общественные работы.

У Файны Александровны Фихтер поощрений и отличий меньше, но и она в коллективе была на хорошем счету. «Волевая,— говорили о ней,— инициативная, умеющая создать рабочую обстановку».

И вот беда, это тяжелое обвинение. Как не посочувствовать? Однако вскоре сочувствие сменилось недоумением, серьезным сомнением: а не накликali ли они беду сами, не жили ли все эти годы двойной жизнью.

В один из весенних дней в отделе, где трудились Голоушко и Фихтер, ревизор С. Асеева приступила к инвентаризации. Сняла наличие кассы. Голоушко составила отчет, вывела остаток. Затем стали пересчитывать товарную массу. И тут Асеева заметила, что Голоушко, перекладывая одни и те же товары с места на место, неоднократно вносит их в инвентарную ведомость. Заподозрив неладное, ревизор сама пересчитала весь товар снова и обнаружила недостачу более чем на 9 тысяч рублей.

Это было началом обнаружения крупного хищения государственных средств, которые совершали Голоушко и Фихтер на протяжении многих лет.

Как и положено в таких случаях, магазин опечатали. Создали ревизионную комиссию. Органы милиции возбуждали уголовное дело, расследование которого длилось более полугода.

И вот дело в суде. На скамье подсудимых Голоушко и Фихтер. В глазах Голоушко настороженность, страх. Лицо серое. Опустив плечи, она сидит тихо. На вопросы суда отвечает осторожно, коротко. Хищение не признает. Утверждает, что на предварительном следствии оговорила себя: «Испугалась. Было все равно».

Подсудимая Фихтер то и дело вступает в пререкания,

возмущается, говорит, что на скамью подсудимых попала по ошибке. Преступление отрицает. Во всем винит Голоушко: «Она была старшей, пусть и отвечает».

— В первый год работы в «Юбилейном» образовалась недостача больше пяти тысяч,— дает показания Голоушко.— Недостачу скрыли, надеясь впоследствии возместить.

Однако ни она, ни Фихтер денег в кассу не вносили. Ко времени следующей ревизии недостача увеличилась до 10 тысяч. Так и пошло. Сумма росла из года в год. Но результаты ревизий были всегда хорошими. Расхождения в 150—300 рублей. Эти деньги вносили сразу. Поэтому отдел считался благополучным. В 1983 году недостача составила несколько десятков тысяч. Но и эту сумму удалось скрыть.

— Чем вы объясните такую недостачу?— задал вопрос председательствующий коллегии.

— Причину объяснить не могу,— ответила Голоушко,— хищений в магазине не было. Товар принимала сама. Торговала как положено. В долг из кассы никому не давала...

Подсудимая замолчала.

Судебная практика знает немало случаев, когда обвиняемый, признавая свою вину в совершенном на предварительном следствии, в суде вдруг начинает все отрицать. Делается это, как правило, с целью избежания заслуженной кары за содеянное.

Вот и Голоушко, изменив свои показания, рассчитывала, что суд, не найдя доказательств вины в хищении, обвинит ее в халатности, что повлечет за собой меньшую меру наказания.

Однако расчеты ее не оправдались. Судебная коллегия огласила протоколы допросов Голоушко на предварительном следствии, дала прослушать фонограмму показаний и пояснений подсудимой Фихтер, после чего Наталья Владимировна признала, что на протяжении

многих лет они с Фихтер брали из кассы магазина ежемесячно на личные нужды по 150—200 рублей каждая.

— Какую сумму хищения вы признаете?— спросил подсудимую председательствующий коллегии.

— Двадцать девять тысяч,— выдавила Голоушко и, повернувшись к Фихтер, добавила:— Остальные взяла она. Третьего среди нас не было.

Подсудимая Фихтер, потеряв чувство собственного достоинства, лгала, изворачивалась, делала вид невинно пострадавшей.

— Работаю техничкой в магазине «Юбилейный»,— дает показания свидетель М. Турсогатова.— Видела, как Фихтер брала из кассы магазина деньги на покупку дубленки, кожаного пальто и другой одежды для дочери. Приобрела несколько собольих шкурок по 200 рублей каждая, взяв деньги опять же из выручки. Был случай, когда взяла 100 рублей, велела сходить на почту перевести дочери, отдыхавшей в Москве.

Нашлись и другие свидетели, которые подтвердили, что жила Фихтер не по средствам.

— В 1970 году,— рассказывали они,— Фихтер купила одну машину, потом через некоторое время другую. Часто покупала дорогие вещи, сервизы, импортные гарнитуры.

Коллегия установила, что Фихтер брала деньги из кассы и для своих знакомых. Только в последнее время «одолжила» 600 рублей заведующей хозрасчетом Хиповой, 450 рублей — Джаилхановой, 500 рублей — Дулимовой, 50 рублей — Реутову и многим другим. Кому давала деньги, учета не вела. Пользуясь этим, некоторые должники деньги не возвращали.

Не в силах остановиться, побороть соблазн легкой наживы за счет государства, Фихтер, не задумываясь о последствиях, втянула в преступную деятельность свою дочь Ольгу... Когда в отношении ее и Голоушко было возбуждено уголовное дело, дочь ее уже находилась под

стражей за спекуляцию дефицитными товарами, которые получала из магазина «Юбилейный» от матери. Позже она была осуждена к 4 годам лишения свободы.

Кроме того, Фихтер оформляла многочисленным знакомым бестоварные кредиты, получая взятки по 10—15 рублей за каждый кредит. Не брезговала подсудимая и шоколадкой, бутылкой вина или водки, которые, как заявила она, «люди давали сами».

Так шаг за шагом коллегия установила, что Голоушко и Фихтер, работая в магазине «Юбилейный», причинили ущерб государству на 65 577 рублей 73 копейки.

Как могли так нагло и беззастенчиво орудовать Голоушко и Фихтер на глазах у многих? Где были ревизоры, призванные выявлять расхитителей народного добра, всемерно беречь государственные ценности?

Ревизоры были на месте. Работали. Проверяли. Писали отчеты. Только с 1981 по 1984 год в подотчете второй бригады хозрасчета, где трудились Голоушко и Фихтер, было проведено 7 инвентаризаций товарно-материальных ценностей. Хищений выявлено не было. И это тогда, когда недостача у подсудимых превышала 60 тысяч. Чем же это объяснить?

Вот как об этом говорят сами подсудимые: «Во время проведения плановых инвентаризаций мы вводили ревизоров в заблуждение, обманывали их. Одни и те же товары записывали по несколько раз».

Успешно осуществлять эти приписки Голоушко и Фихтер удавалось за счет строгого учета похищенного ими. Такой учет изо дня в день многие годы вела подсудимая Голоушко. Вносила в тетрадь, которую потом уничтожила, не только крупные суммы, но и мелочь, учитывала движение товаров из подсобного в торговый зал, знала точно количество товаров и их общую сумму. Сыграло свою роль и доверие инвентаризаторов к Голоушко и Фихтер, как к давно работающим и пользующимся авторитетом в системе продснаба.

Не насторожило администрацию продснаба и то, что в течение 16 лет в отделе не передавались материальные ценности другим материально-ответственным лицам, что недопустимо. Не всегда Голоушко и Фихтер сдавали выручку своевременно, особенно после продажи дефицитных товаров, а если и сдавали, то не в полной сумме. Все это, как теперь стало известно, способствовало тому, что преступники Голоушко и Фихтер долгие годы совершали безнаказанно хищение государственных средств в особо крупных размерах.

Судебная коллегия Восточно-Казахстанского областного суда, рассмотрев уголовное дело Голоушко и Фихтер, приговорила: Голоушко Наталью Владимировну по совокупности статей к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима с конфискацией имущества, Фихтер Фаину Афанасьевну к 13 годам лишения свободы в ИТК общего режима с конфискацией имущества.

Директор хозрасчета З. Хипова, зам. директора Ф. Фишкина за халатность и бесконтрольность уволены с работы. Освобождена также от занимаемой должности начальник отдела учета розницы Н. Нязева.

Так закончилось это многотомное дело, дело о хищении государственных средств в особо крупных размерах, родившееся в обстановке бесконтрольности, запущенности, грубого нарушения трудовой дисциплины и слепой доверчивости лиц, призванных всемерно охранять народное добро.

ВЗЯТКА

До отхода пассажирского поезда оставалось несколько минут, когда в вагон зашли работники ОБХСС.

— Ромен Абдрахманович Жулдахметов?— обратился к мужчине майор милиции В. Беринг.

— Да,— подтвердил тот.— А в чем дело?

— Вам придется пройти с нами.

В дежурной комнате милиции Жулдахметову предложили рассказать, что находится у него в портфеле, свертках, сетке. Задержанный, волнуясь, стал перечислять. В. Беринг распорядился пригласить понятых, чтобы произвести обыск.

Узнав, что придется задержаться для выяснения обстоятельств, Жулдахметов возмутился, стал требовать вернуть документы, дать возможность уехать. Но ему объяснили, что задержали его согласно статье 109 уголовно-процессуального кодекса Казахской ССР как подозреваемого в совершении преступления.

...О приезде старшего ревизора контрольно-ревизионного управления Министерства пищевой промышленности Казахской ССР Р. Жулдахметова на спирто-водочном комбинате узнали заранее. Его хорошо встретили, побеспокоились насчет гостиницы.

Ромен Абдрахманович, расценив такой шаг администрации как боязнь ревизорского ока, на следующий же день начал диктовать условия: потребовал отдельный кабинет, машину, которая привозила бы его на работу и увозила в гостиницу, предупредил, что ревизию будет проводить с участием работников ОБХСС и народного контролера и что обязательно выявит нарушения финансово-хозяйственной деятельности. Когда же ответственные работники комбината, по его мнению, были достаточно предупреждены, он сообщил заместителю главного бухгалтера Надежде Яковлевне Битурич, что хотел бы иметь бутылочку-другую «посольской».

— Знакомого встретил,— доверительно сказал он,— надо угостить.

Надежда Яковлевна, желая угодить ревизору, принесла две бутылки. Потом приносила еще. Жулдахметов, принимая подношения, аккуратно уносил их в гостиницу. Однако этого ему показалось мало. Распивая как-то чай с медом, Ромен Абдрахманович сказал:

— Хороший у вас на Алтае мед. Хочу иметь такой же, килограммов десять-пятнадцать...

Надежда Яковлевна выполнила и это его желание. Благо, мед имелся на складе комбината.

Однажды Жулдахметову не подали к гостинице машину. Досталось всем, невзирая на лица. Пришлось выслушать незаслуженные упреки и главному бухгалтеру В. Лиlikовой. Тогда же Жулдахметов бросил на стол свой паспорт и заявил:

— Если хотите иметь хороший акт ревизии, купите билет на самолет и оплатите мое проживание в гостинице.

И это сделали для Жулдахметова. Однако Ромен Абдрахманович лететь самолетом раздумал. Авиабилет сдал в кассу, возвращенные за него деньги присвоил, после чего потребовал купить ему билет на поезд.

Что было дальше, известно. У Р. Жулдахметова изъяли 10 бутылок водки «Посольская», три — водки «Русская», три — спирта и десять килограммов меда. Следственные органы возбудили против него и Н. Битурич уголовное дело. И вот они в суде.

— Ревизию делал, как положено,— дает показания Р. Жулдахметов.— Билеты на самолет и на поезд покупал сам, за гостиницу рассчитывался сам. Спиртное подложили...

На вопрос председательствующего, почему он изменил показания, данные на предварительном следствии, подсудимый нерешительно выдал:

— На следствии оговорил себя.

— По просьбе главного бухгалтера,— пояснил суду свидетель В. Боровиков,— я покупал для Жулдахметова билеты на самолет и на поезд. Деньги давала Лиlikова.

— За гостиницу Жулдахметов заплатил 1 рубль 55 копеек, остальные платил не он, а мужчина русской национальности,— подтверждают суду работники гостиницы Т. Полянцева и Л. Белоконь.

Затем суд допросил подсудимую Н. Битурич.

— Взятку ревизору не давала. Допуска к спиртным не имела. Мед для ревизора брала на складе комбината по согласованию с главным бухгалтером.

На вопрос народного заседателя ответила:

— Приносила Жулдахметову бутылку водки и бутылку вина.

— Потом,— Битурич бросила взгляд на Жулдахметова и добавила:— упаковала в его кабинете в пакеты мед и 6—7 бутылок водки.

— Я не просил Битурич упаковывать мед и водку,— заявил суду подсудимый.— Она оговаривает меня.

— Я говорю правду,— решительно заявила Н. Битурич.

— Передавая спиртные напитки и мед ревизору, вы сознавали, что даете взятку?— спросил подсудимую председательствующий.

— Я об этом не думала,— пояснила Н. Битурич,— просто хотела, чтобы акт ревизии был хорошим...

Вот так, «не думая», Н. Битурич совершила хищение государственного имущества.

Совершил преступление и Жулдахметов, занимаясь вымогательством и взяточничеством.

В процессе расследования уголовного дела необходимо было выяснить, какие недостатки финансово-хозяйственной деятельности комбината скрыл ревизор, получив взятку?

Была назначена бухгалтерская экспертиза на комбинате. Экспертиза выявила, что на комбинате систематически оформлялись по трудовым соглашениям подставные лица, которым начислялись зарплата и командировочные расходы, а деньги приписывали штатным проводникам вагонов готовой продукции. Таким образом, был нанесен особо крупный ущерб государству, по результатам ревизии возбуждили уголовное дело.

Р. Жулдахметова суд приговорил к четырем годам

лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией имущества и лишением права занимать бухгалтерско-ревизорскую должность сроком на три года. Н. Битурич осудили условно на три года с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
ГРАДУСЫ ПАДЕНИЯ	5
Бороться всем миром	6
Цена пьянства	11
Кто в ответе?	15
Марковна и Шурик	19
Как это случилось	29
ОТЦЫ И ДЕТИ	34
Материнский приговор	35
Раскаяние	42
О долге и долгах	49
Максимка	55
Цветы в чужом саду	60
От детей отказываюсь	64
ИСКУШЕНИЕ	68
Слепая доверчивость	69
Дело о хищении	73
Ревизоры проверяли	78
Взятка	83

Массово-политическое издание

Виктор Сергеевич Меньшиков

КАК ВЕЛИТ ЗАКОН

Зав. редакцией *З. Я. Тен*. Редактор *Р. Б. Добрая*. Ответственный за выпуск *С. М. Паскевич*. Художник *В. В. Кучеров*. Художественный редактор *Д. А. Безруков*. Технический редактор *А. П. Ткаченко*.
Корректор *А. Р. Жагпарова*.

ИБ № 3789.

Сдано в набор 13.10.87. Подписано в печать 3.02.88. УГ № 18058. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,85. Усл. кр.-отт. 4,11. Уч.-изд. л. 3,85. Тираж 21 000 экз. Заказ № 1381. Цена 10 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Гагарина, 93.